И 397/396

И 397/396

ДОПРОСЫ

ЕМЕЛЬЯНУ ПУГАЧОВУ

ПОГАШЕН
БИБЛІОТЕКА

И

ПИСЬМО О НЕМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ,

ЕКАТЕРИНЫ II,

КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1858.

Изъ 2-й книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.»

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СС
им. В. И. ЛЕ
53252-46

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 14-го іюня, 1858 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

2007059431

ДОПРОСЫ ПУГАЧЕВУ

ПОГАШЕНО

I

ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ.

1774 года, Сентября 16 дня, въ Отдѣльной Секретной Коммиссіи, что въ Яицкомъ городѣ, государственный злодѣй, похитившій имя въ Бозѣ почивающаго Императора Петра Третьяго, самозванецъ Пугачовъ, допрашиванъ и показалъ:

«Родомъ я Донской казакъ Зимовейской станицы, Емельянъ, Ивановъ сынъ, Пугачовъ. Грамоты не умѣю, отъ роду мнѣ 32 года. Отецъ мой Донской же казакъ, Иванъ, Михайловъ сынъ; оный умре. Братъ мой, Никита Пугачовъ, находился въ Турецкомъ походѣ, а нынѣ, гдѣ обрѣтается, того не знаю. Имѣю еще двѣ сестры: большая Ульяна, въ замужествѣ Донскаго же войска за казакомъ, Ѳедоромъ Брыкаловымъ, а другая, Ѳедосья, въ замужествѣ жъ за вывезеннымъ еще въ малолѣтствѣ, Прусской націи полоненникомъ, Симономъ Никитинымъ сыномъ, по прозванію Павловымъ, который потомъ и написанъ Донскаго же войска въ казаки, и переведенъ былъ съ прочими для житья въ Таганрогъ, который уповательно теперь тамъ состоитъ.

До семнадцатилѣтняго возраста жилъ я все при отцѣ своемъ, такъ какъ и другіе казачьи малолѣтки, въ праздности, однако жъ не раскольникъ, какъ прочіе Донскіе и Яицкіе казаки, а Православнаго Греческаго Исповѣданія Каѳолической Вѣры, и молюсь Богу такъ крестомъ, какъ и всѣ христіане, а слагаю крестное знаменіе первыми тремя перстами, а не послѣдними. На осьмнадцатомъ году своего возраста написанъ я въ казаки въ объявленную жъ Зимовейскую столицу, на мѣсто отца своего, ибо оный пошелъ тогда въ отставку, а на другомъ году казачей службы женился я Донскаго жъ войска, Ясауловской станицы, на казачьей, Дмитрія Недюжева, дочери, и живъ съ нею одну недѣлю, наряженъ былъ въ Прусской походъ. Сіе было, въ которомъ году, не помню, также и когда была компанія. Командиромъ въ то время былъ при томъ наряженномъ Донскомъ войскѣ Полковникъ Илья Ѳедоровъ сынъ Денисовъ, который и взялъ меня, за отличную проворность, къ себѣ на ординарцы, такъ какъ и отъ другихъ

станицъ у него состояло, для разныхъ посылокъ, не малое число. По выступленіи съ Дону пришли мы въ мѣстечко Познань, гдѣ и зимовали. Оный корпусъ, сколько ни было войскъ въ Познани, состоялъ въ дивизіи Графа Захарія Григорьевича Чернышева. Потомъ выступили изъ Познани въ мѣстечко Кривое, гдѣ ночною порою попали на передовую казачью партію Прусаки, и хотя урону большаго не было, однако жъ учинили великую тревогу; а какъ тутъ были въ вѣдомствѣ у меня Полковника Денисова лошади, то, въ торопливости, не знаю какъ, упустилъ одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленный Денисовъ наказалъ меня нещадно плетью. Изъ Криваго выступили въ Кобылки; тутъ, или въ другомъ мѣстѣ, не упомню, пришло извѣстіе въ четвергъ, что Ея Величество, Государыня Императрица, Елисавета Петровна, скончалась, а Всероссійскій Престолъ принялъ Государь Императоръ Петръ Третій; а вскорѣ послѣ того и учинено съ Прусскимъ Королемъ замиреніе, и той дивизіи, въ коей я состоялъ, велѣно итти въ помощь Прусскому Королю противъ его непріятелей; а не доходя рѣки Одера, та дивизія, надъ коей, какъ выше сказано, былъ шефомъ Генералъ Графъ Чернышевъ, встрѣтила Прусскія войска, и чрезъ Одеръ вмѣстѣ перешли; а на другой день по переходѣ самъ Его Величество смотрѣлъ; и были у Прусскаго Короля, сколько времени, не упомню, и отпущены въ Россію. А по возвращеніи въ Россію, только что перешли рѣку Одеръ, получили изъ Петербурга извѣстіе, что Ея Величество, Государыня Екатерина Алексѣевна, приняла Всероссійскій престолъ. Тутъ была въ вѣрности присяга, у которой и я былъ въ то время. Было мнѣ лѣтъ 20, и о названіи себя Государемъ и въ голову еще не приходило. Возвратясь изъ того похода въ домъ свой, жилъ четыре года, въ которое время прижилъ съ женою своею сына, Трофима, коему отъ роду нынѣ десять лѣтъ, и дочь Аграфену, оной шестой годъ. Потомъ командированъ я былъ, въ числѣ ста человѣкъ, въ Польшу, при Ясаулѣ Елисѣѣ Яковлевѣ. А пришедъ туда, та команда принята была въ вѣдомство Генераломъ Кречетниковымъ. Служба наша въ то время состояла— выгонять изъ Польши Россійскихъ бѣглецовъ, кои жили тамъ въ разныхъ раскольничьихъ слободахъ. А какъ таковыхъ множество собрано было, то Генералъ Кречетниковъ отправилъ насъ, Донскихъ казаковъ, при Офицерахъ, въ городъ Черниговъ, гдѣ бѣглецы и отданы были въ вѣдомство тамошнему Коменданту, а я, съ прочими казаками, пріѣхалъ въ домъ свой, и жилъ полтора года, и прижилъ меньшую свою дочь, Христину, коей нынѣ четвертый или пятый годъ. Потомъ, по насланной изъ Государственной Военной Коллегіи, командировано было изъ Донскаго войска въ нынѣ прошедшую Турецкую войну 4 полка; командиромъ оныхъ былъ Атаманъ Тимофѣй Ѳедоровъ сынъ Грековъ; въ который походъ и я въ полку Кутейникова, во второй сотнѣ, Хорунжимъ былъ посланъ, и пришедъ въ Бахмутъ, стояли цѣлую зиму, и весною пошли на Польскую границу, гдѣ,

соединясь съ военными командами, — командиръ въ то время былъ Его Сіятельство, Г. Генералъ-Аншефъ, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ,—пошли подъ Бендеры, а какъ оныя взяли, то выступили на зимнія квартиры въ городъ Елисаветъ. Изъ Села Каменки отпущенъ я былъ, за болѣзнію, въ домъ свой, и при мнѣ въ отпускѣ сто человѣкъ казаковъ, на мѣсяцъ; а по прошествіи срока, велѣно было явиться опять къ командѣ, гдѣ обрѣтаться будетъ армія. Что жъ? Когда я, будучи въ арміи, назывался Государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило, назваться мнѣ самымъ Государемъ. Пріѣхавъ въ свой домъ, хотя болѣзнь моя не умалилась, однако жъ, какъ вышелъ срокъ моему отпуску, то собралъ свою команду и прямымъ трактомъ пошелъ на рѣку Донецъ; перешедъ оный, увидѣлъ я, что, по причинѣ своей болѣзни, ѣхать ни какъ не могъ; но, чтобъ служба за мной не состояла, нанялъ за себя казака Михайла Бирюкова, который къ арміи за меня съ тѣми ста человѣками казаковъ и поѣхалъ. А я, будучи весьма болѣнъ, и пріѣхалъ въ домъ свой, и лежалъ съ мѣсяцъ. Когда же увидѣли тутъ станичные командиры, что къ выздоровленію безнадеженъ, ибо на ногахъ и на рукахъ были величайшія раны, то сказали мнѣ, чтобъ взялъ я станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда, и ѣхалъ въ городъ Черкаскъ, и я поѣхалъ. А по пріѣздѣ явился къ войсковому Атаману, Степану Данилову сыну Ефремову. Оный сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ я, для излѣченія ранъ, въ лазаретъ, «а какъ же не излѣчишься, то тогда отставка, де, тебѣ дастся, ибо я, де, вижу, что ты, можетъ быть, со временемъ, и вылѣчишься;» однако жъ я не пошелъ въ лазаретъ, боясь того, чтобъ больше болѣзнь моя не умножилась, а разсудилъ пользоваться на своемъ коштѣ, о чемъ Ефремову доносилъ, сказывая при томъ, что между тѣмъ поѣду въ Таганрогъ, къ сестрѣ своей, для свиданія. На то Ефремовъ говорилъ: «Очень хорошо, пожалуй, де, поѣзжай; вѣдь ты и билетъ имѣешь для проѣзда, куда хочешь;» почему я и пріѣхалъ въ Таганрогъ. Зятя своего дома не улучилъ, а сестра внезапному моему пріѣзду весьма обрадовалась, а чрезъ нѣсколько дней и зять мой въ домъ пріѣхалъ. Между многихъ разговоровъ зять сказывалъ: «Насъ, де, хотятъ обучать по гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ». А на то я отвѣчалъ: «Какъ, де, это, кажется, не годится, чтобъ перемѣнять уставъ казачьей службы, и надобно, де, о семъ просить, чтобы оставить казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой, Симонъ Павловъ, говорилъ: «У насъ, де, много уже и перемѣнили; старшинъ, де, у насъ уже пять, а названы, вмѣсто оныхъ, ротмистры; а когда, де, насъ начнутъ обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ». На сіе я ничего не сказалъ. Жилъ тутъ три недѣли; когда сталъ собираться домой, то сестра моя стала проситься для свиданія съ матерью, которую я, съ позволенія зятя своего, съ собою и взялъ. Пріѣхавъ на рѣку

Тузловъ, разстояніемъ отъ города Черкаска верстъ сорокъ, сталъ кормить лошадей, въ которое время и зять мой меня нагналъ въ числѣ трехъ казаковъ, и сказывалъ, что они бѣжали для того, что не хотятъ служить по новымъ обрядамъ службы. На то я говорилъ: «Что вы это взумали? Бѣду и со мною дѣлаете; не равно будетъ погоня, такъ въ поимкѣ и меня свяжутъ, въ тѣхъ мысляхъ, яко бы васъ подговорилъ; а я въ томъ безвинно отвѣчать принужденъ буду.» На то они говорили. «Что, де, ты ни говори, мы назадъ не поѣдемъ, а пойдемъ туда, куда Богъ паразумитъ». А на то я сказалъ: «Когда вы уже сіе предприняли, такъ бѣгите на рѣку Терекъ; тамъ, де, много живетъ людей, рѣкъ и лѣсовъ довольно, и такъ прожить будетъ способно; а тамошніе, де, жители странноприимчивы, и васъ для житья примутъ». Почему они ѣхать туда и согласились. А какъ лошадей выкормили, то и поѣхали вмѣстѣ. Не доѣхавъ Зимовейской станицы, зять мой, простясь со мною и съ женою, а моей сестрою, въ числѣ трехъ человѣкъ поѣхали въ сторону, а я пріѣхалъ въ домъ свой. Сестра, побывъ у меня въ домѣ, пошла къ свекру своему, Зимовейской же Станицы казаку, Никитѣ Павлову. А на другой день показанный зять мой, Павловъ, оставя бѣжавшихъ съ нимъ казаковъ въ лѣсу, самъ къ отцу своему въ домъ пріѣхалъ. А какъ отецъ его спрашивалъ, за чѣмъ пріѣхалъ изъ Таганрога, то онъ отвѣчалъ: «За женою бригадиръ, де, въ Таганрогѣ—бывшій, узнавъ, что жена моя безъ спросу уѣхала, хотя и съ братомъ, на мнѣ, де, взыскиваетъ строго, говоря при томъ: «Сюда, де, жонъ на житье силою привозятъ, а ты отпускаешь». Такъ отъ отца отговорился, не сказывая отнюдь ему своего къ побѣгу намѣренія. Жилъ зять мой у отца своего только одни сутки, и сказалъ ему, что ѣдетъ обратно въ Таганрогъ, и Павловъ у меня изъ Зимовейской станицы выѣхалъ. А въ полночь пріѣхалъ къ моему двору, и спрашивалъ: «Покажи, де, намъ дорогу на Терекъ». На то я отвѣтствовалъ: «Ты, де, за солью на Манычь хаживалъ, такъ поди сею дорогою, а она и доведетъ тебя до Терека». Потомъ просилъ меня, чтобъ я перевезъ чрезъ Донъ, и хотя я отъ сего отговаривался, однако жъ, по усильной просьбѣ ихъ, перевезъ и съ сестрою своею. А какъ по перевозѣ говорилъ я зятю, что если васъ поймаютъ, такъ будутъ взыскивать на мнѣ, для того что сестра у меня въ домѣ была, и послѣ съ тобою бѣжала, то зять говорилъ: «Сіе будетъ неправосудно; вѣдь въ Станицѣ знать будутъ, что я взялъ уже сестру твою на свои руки, такъ въ чемъ тебѣ отвѣтствовать должно?» Потомъ, простясь я съ своимъ зятемъ и сестрою, назадъ въ домъ свой возвратился, а они на Терекъ въ путь свой отправились.

По разставаніи зять мой ѣздилъ по степи недѣли три и, не нашедъ того тракта, куда на Терекъ ѣхали, возвратились въ Станицу Зимовейскую, гдѣ, по распросѣ Атаманомъ, принуждены они были признаться, что бѣжали. А какъ спрошены были, кто черезъ Донъ перевозилъ, какъ туда

поѣхалъ, то и принуждены они были сказать на меня. А какъ услышалъ, что зять мой меня оговорилъ, и будетъ мнѣ бѣда, то я, не сказавъ женѣ своей и матери, которая еще жива была, бѣжалъ, и жилъ недѣли двѣ въ степи, около рѣчекъ, а потомъ въ домъ свой пріѣхалъ. Когда жъ узнали обо мнѣ въ Станицѣ, то взяли подъ караулъ и отослали въ Чирскую Станицу, въ Розыскную Команду. А въ Розыскной во всемъ я признался, и посланъ былъ въ городъ Черкаскъ въ колодѣ по Станицамъ, чтобъ за безопаснымъ конвоемъ туда былъ доставленъ. А какъ привезенъ былъ въ Цымлянскую Станицу, гдѣ казакъ Лукьянъ Худаковъ упросилъ прочихъ, чтобъ меня отдали ему на поруки для доставленія въ Черкаскъ. Когда жъ тутошній Атаманъ тому казаку, по просьбѣ его, отдалъ, то Худаковъ снялъ съ меня колодку и послалъ въ Черкаскъ со своимъ сыномъ малолѣтнымъ, оному отъ роду было тогда около 20 лѣтъ, который малолѣтокъ и повезъ было, но отецъ сказалъ сыну своему на ухо, чтобъ съ дороги меня отпустилъ для того, что я съ Худаковымъ водилъ хлѣбъ и соль, такъ и учинилъ сіе по пріязни.

И такъ сынъ Худакова, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бывъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу, называемую Кабанью, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый Донской казакъ, и не знаю, куда дѣться. На то Коровкинъ отвѣчалъ: «Пойди, де, въ Польшу, а пройти, де, можно между форпостовъ, и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію, и скажи на форпостѣ, что Польской выходецъ; а какъ, де, есть Указы, что Польскихъ выходцевъ селить велѣно по желанію, то и выберешь для житья любое мѣсто, а я, де, тебѣ дамъ сына своего для провожденія и освѣдомленія въ Польшѣ о житьѣ раскольниковъ;» ибо и онъ, Коровкинъ, раскольникъ. А какъ я хотя и не раскольникъ, да вижу, по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ, то живъ я у него три дня, съ сыномъ его пріѣхалъ въ Стародубской монастырь, гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ. Тутъ сказалъ я о себѣ, что я бѣглый Донской казакъ и жилъ у раскольническаго старца, Вавилы, 15 недѣль, и выспрашивалъ, гдѣ бы лучше прожить. На то старецъ отвѣчалъ: «Лучше, де, не можно, какъ итти въ Польшу, и оттуда выйти на форпосты, объявиться выходцемъ, взять Указъ, гдѣ хочешь поселиться, и туда пріѣхать. А со временемъ можешь и жену свою, хотя воровски, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно»; по чему я съ тѣмъ сыномъ Коровкина между форпостовъ въ Польшу проѣхалъ, и по сказкѣ жъ объявленнаго старца въ слободу Вету пріѣхалъ. Въ оной слободѣ живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.

Побывъ въ той слободѣ три дня, и оставя товарища своего, Коровкина, въ покоѣ, самъ пошелъ пѣшкомъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобъ сказаться такъ, какъ названъ, и пришелъ на форпостъ Добрянской, явился, и по спросѣ,

объявилъ себя выходцемъ, гдѣ жилъ въ карантинѣ 6 недѣль, и объявилъ свое желаніе поселиться въ Казанской губерніи, на рѣкѣ Иргизѣ. Около мѣста хотя я еще и не зналъ, однако жъ вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какого я, способно; и съ даннымъ мнѣ съ того форпоста пашпортомъ, за подписаніемъ Маіора Меньшикова, отправился въ числѣ таковыхъ же выходцевъ, изъ коихъ знаю только одного бѣглаго солдата, Алексѣя, а прозванія не знаю, а сей также сказался, что изъ Польши выходецъ, съ которымъ и ѣхалъ до Малыковки, гдѣ явились у управителя, но кто онъ таковъ, не упомню. Управитель приказалъ намъ нѣсколько дней пообождать, а между тѣмъ намѣренъ былъ отправить въ Симбирскую Правительственную Канцелярію, для записки въ назначенное мѣсто. Сіе происходило прошлаго 1772 года, а какъ въ то время былъ рекрутскій наборъ, то объявленный товарищъ мой нанялся за Малыковскаго крестьянина въ рекруты, который былъ, какъ слышалъ, и принятъ, и послѣ его не видалъ. А я, съ позволенія Малыковскаго управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Иргизъ, въ Филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходецъ, жилъ три дня, и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ въ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хотя и понуждалъ, чтобъ поскорѣй явиться, но, наконецъ, позволилъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратно съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь пріѣхалъ, а на другой день поѣхалъ я въ Мечетную слободу для житья, ибо въ монастырѣ, хотя я и раскольникомъ уже назывался, жить было неблагопристойно. Въ Мечетной слободѣ жилъ я у крестьянина раскольника Степана Косова съ недѣлю. Сіе происходило 1772 года, въ Ноябрѣ, въ первыхъ числахъ, а 15 того мѣсяца, той же Мечетной слободы, съ крестьяниномъ Семеномъ Филиповымъ, выпросивъ у Филарета лошадь и денегъ, поѣхалъ въ Яицкой городъ, для покупки для себя и Филарета рыбы. А пріѣхавъ туда, пристали къ казаку Яицкому, Денису Пьянову, и жили у него недѣлю. А какъ въ ту бытность съ казакомъ Пьяновымъ и обѣдали за однимъ столомъ, то въ одно время не стало за обѣдомъ хлѣба, и хозяинъ, Денисъ Пьяновъ, сожалѣя о семъ, говорилъ: «Вотъ, де, до чего мы дошли, что уже и хлѣба на обѣдъ не достало.» А какъ я спросилъ сему причину, то Пьяновъ говорилъ: «У насъ, де, было въ Яицкомъ городѣ убійство войсковой руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хотя не дрался, однако жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала фонъ-Траубенберга и многихъ его команды, также и Старшинской, казаковъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до Ея Величества, то присланъ, де, былъ для усмиренія Генералъ Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выѣхали было противъ его на сраженіе, и не хотѣли впускать въ Яицкой городокъ; однако жъ Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣзжало, возвратясь въ городокъ, увидя свою бѣду неминуе-

чую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе, де, разбѣжались, въ томъ числѣ и я шатался по степи и на узеняхъ былъ въ укрывательствѣ». Напротивъ чего я говорилъ: «Такъ вы, де, хотѣли, видно, тоже самое сдѣлать, какъ нашъ Некрасовъ сдѣлалъ измѣну: подговоря многихъ, и бѣжалъ за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ, де, обѣщалъ каждому казаку по 12 рублей на человѣка; а какъ вывелъ въ поле, то ни полушки и не далъ.» И такъ на то Денисъ Пьяновъ говорилъ: «Да какъ, де, быть то, великое гоненіе; вотъ, де, я и теперь въ бѣгахъ, того и смотри, какъ придутъ и возмутъ подъ караулъ.» А я отвѣчалъ: «Да какъ же быть? Хотя по поимкѣ тебя и поколотятъ, да можетъ и простятъ; а когда пойдете за границу, такъ почтутъ васъ измѣнниками, получите величайшій отъ Государыни гнѣвъ.» Болѣе сихъ разговоровъ я съ казакомъ Пьяновымъ ни какихъ не имѣлъ, и, купя въ Яицкомъ городкѣ рыбы, съ тѣмъ же Мечетной слободы мужикомъ, съ коимъ пріѣхали, Семеномъ Филиповымъ, возвратились въ домъ, въ Мечетную слободу. Потомъ я, согласясь съ хозяиномъ своимъ, съ Косовымъ, купили еще въ Мечетной слободѣ у пріѣзжихъ мужиковъ въ домъ 4 воза рыбы, и поѣхали для продажи оной рыбы въ Малыковку. Бывшій же со мною въ Яицкомъ городкѣ крестьянинъ, Семенъ Филиповъ, по уѣздѣ моемъ въ Малыковку, разсказалъ въ Мечетной слободѣ жителемъ, что по бытности на Яикѣ подговорилъ я всѣхъ Яицкихъ казаковъ на Лобу рѣку, и давалъ на выходъ войску, на каждую семью людей, по 12 рублей; почему тѣ жители и рапортовали о семъ Малыковскому управителю. А какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ, и потомъ распрашивалъ, по показанію Мечетныхъ жителей, яко бы я точно вызывалъ Яицкое войско на Лабу рѣку, задаться вѣчно Турецкому Султану, и на выходъ войску давалъ по 12 рублей на человѣка; а на границѣ, де, оставлено у меня до двухъ сотъ тысячь рублей, да на семьдесятъ тысячь товару, изъ которой суммы яко бы я то бѣжавшее войско и коштовать хотѣлъ. И ежели, де, понадобится войску денегъ на приходъ далѣе, то паша дастъ еще до пяти милліоновъ рублей. Въ слѣдствіе того на меня доноса, показанный управитель меня и спрашивалъ. А какъ я таковыхъ рѣчей, по бытности въ Яицкомъ городѣ у казака Пьянова не говорилъ, и сказывалъ точно тѣ, какъ выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель счелъ, что я учинилъ запирательство; и хотя я ему и сказался точнымъ своимъ названіемъ, изъ подъ побой, однако жъ онъ, считая меня подозрительнымъ человѣкомъ, мучилъ, подъ пристрашнымъ допросомъ, дабы признался въ томъ, въ чемъ Мечетной слободы Филиповъ доказывалъ, и выспрашивалъ, не солдатъ ли, не Барской ли я бѣглой человѣкъ, а между тѣмъ все таки сѣкутъ немилосердно батогами. Однако жъ я утвердился на прежнемъ своемъ показаніи; отъ чего не говоренныя на прежнемъ мною слова, яко бы подговаривалъ казаковъ на Лобу рѣку,

давалъ деньги и прочая неправда, показаны на меня. Потомъ управитель началъ меня отправлять въ Симбирскую Канцелярію. При отправленіи онъ читалъ мнѣ допросъ, въ которомъ написано было, яко бы я во всемъ, показуемомъ на меня, признался; то я управителю говорилъ: «На что, де, то взводить на меня напрасно, чего я не говорилъ, и въ чемъ я не признаюсь? А дайте мнѣ съ показателемъ, Семеномъ, Филиповымъ, очную ставку, такъ я его изобличу въ лживомъ на меня показаніи». Однако жъ тотъ Филиповъ представленъ изъ слободы не былъ, а допросъ управитель не переписалъ. А кто, вмѣсто меня, по неумѣнію грамотѣ, приложилъ къ допросу руку, того не просилъ, да и не зналъ. И такъ въ Симбирскъ въ путь отправленъ. Деньги жъ, кои у меня были, равнымъ образомъ и рыбу, въ Малыковкѣ растащили, но кто именно, не знаю. Въ Симбирской Канцеляріи допрашиванъ я не былъ, а посланъ въ Казань, гдѣ и содержали, сперва въ Губериской, скованнаго въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Тогъ день спрашиванъ былъ что за человѣкъ? А какъ сказалъ, что Донскаго войска казакъ, то и велѣно было посадить въ Губериской же. Не помню, въ какое точно время, только, не много спустя, призвали меня къ Секретарю, какъ его зовутъ, не знаю, который велѣлъ читать Малыковскій допросъ. А какъ въ томъ допросѣ написано было то самое показаніе, въ чемъ Мечетной слободы жители на меня доносили, то я сказалъ, что сего я точно не знаю, и отнюдь въ томъ въ Малыковкѣ не признавался; а для чего на меня тотъ въ самомъ дѣлѣ неправильный допросъ управитель отважился прислать въ Казань, не знаю. И какъ я настоялъ крѣпко въ произнесенныхъ мною точныхъ въ говореніи словахъ, то Секретарь, не дѣлая мнѣ никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза. А потомъ тотъ же Секретарь, призвавъ къ себѣ лѣкаря, велѣлъ осмотрѣть, не былъ ли чѣмъ прежде наказанъ. Когда жъ лѣкарь раздѣлъ до нага и увидѣлъ, что былъ сѣченъ, а не зналъ чѣмъ, спрашивалъ: «Конечно, де, ты, Пугачевъ, кнутомъ былъ наказанъ, что спина въ знакахъ?» на что я говорилъ: «Нѣтъ, де, а сѣченъ только во время Прусскаго похода, по приказу Полковника Денисова, бѣжалой плетью, а потомъ чрезъ Малыковскаго управителя терпѣлъ пристрастный распросъ подъ батогами.» И такъ послали меня опять въ свое мѣсто, гдѣ содержался. Какъ уже сказано, что допроса мнѣ тутъ письменнаго сдѣлано не было, то я никакой нужды и не имѣлъ, кого просить, кто бъ, вмѣсто меня, руку къ допросу прикладывалъ.

Просидя въ Губериской, переведенъ потомъ былъ въ острогъ, скованный же въ ножныхъ кандалахъ, и меня употребляли, съ прочими колодниками, во всякія казенныя работы, а большею частію на Арескомъ полѣ, около Дворца. Во время жъ того содержанія подъ карауломъ, короткую пріязнь я имѣлъ съ однимъ колодникомъ, Парфеномъ Дружининымъ, который содержался за прочетъ "…. мой сѣчену кнутомъ, отъ чего и бѣжалъ бы, де, куда

* Въ спискѣ, служившемъ мнѣ полнинкомъ, здѣсь вѣрно пропущена строка.

ни есть, только не знаю, гдѣ скрыться будетъ.» На что я говорилъ: «Если бы, де, можно было отсель уйти, такъ бы я тебя вывелъ на Донъ, и тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить.» И такъ оный разговоръ, согласный къ побѣгу, окончили. А какъ въ острогѣ изъ караульныхъ примѣтили мы въ одномъ солдатѣ Малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни, а мы при случаѣ сказали о нашемъ намѣреніи, то солдатъ согласился, и всѣ трое начали отыскивать удобный случай, дабы изъ острога бѣжать. Между тѣмъ пропало у меня, не помню сколько, денегъ; а какъ многіе о семъ узнали и хотѣли отыскивать, однако жъ я объ нихъ не тужилъ: «И, де, считаю сіе за милостыню. Кто взялъ, Богъ съ нимъ!» Впна же тогда я не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали меня добрымъ человѣкомъ. Однако жъ въ то время отнюдь еще не помышлялъ, чтобъ назваться Государемъ. И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкрасться людямъ въ любовь, и послѣ какъ назовусь Государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь ссылаться. Въ оное жъ содержаніе подъ карауломъ, по порядочной моей жизни, отъ подаянія собралъ, сверхъ пропавшихъ у меня денегъ, около, или и больше, тридцати рублей. Что много у меня сихъ денегъ было, то не отъ чего другаго, какъ по хорошей моей жизни, многіе на меня подавали. Нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спрашивая при подачѣ именно: «Кто, де, здѣсь Емельянъ Пугачевъ? Вотъ, де, ему рубль!» Въ одно время купецъ Дружининъ говорилъ мнѣ: «Что жъ, Емельянъ, мы можемъ бѣжать?» А какъ я сказалъ: «Хорошо,» что одобрилъ и солдатъ, то Дружининъ далъ своему сыну денегъ, коему, по видимому, было лѣтъ пятьнадцать, какъ зовутъ, не знаю, велѣлъ купить лошадь и телѣгу. А какъ оная была готова, и сынъ его, Дружининъ, объявилъ, которому онъ говорилъ: «Когда, де, мы отпросимся у караульныхъ къ попу (какъ его зовутъ, я не знаю, ибо онъ знакомъ Дружинину), и ты, де, тутъ съ кибиткою по близку подъѣзжай, но съ тѣмъ, чтобы никто тебя не видалъ, гдѣ мы будемъ.» Сіе происходило прошлаго 773 года, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ послѣднихъ числахъ. Согласясь съ тѣмъ Дружининымъ и съ показаннымъ Малороссійской націи солдатомъ, умысля по утру, стали проситься у карауленаго офицера съ тѣмъ, чтобы отпустилъ для испрошенія милостыни къ попу, который насъ и отпустилъ. А солдатъ, согласный къ побѣгу, и другой, который того заговора не зналъ, къ попу конвойными за нами пошли. Пришедъ къ попу, не застали его дома; и Дружининъ говорилъ, что надобно, де, возвратиться назадъ въ острогъ; ибо, де, по небытности попа дома не съ кѣмъ напиться и напоить до пьяна другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ. А съ попадьею, де, пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяина чинить сіе дурно. И такъ въ острогъ возвратились. А того жъ дни, чрезъ два часа, сіе было въ обѣдъ, со спросу же караульнаго офицера, съ тѣми же солдатами къ тому попу

пошли. А между тѣмъ телѣга отъ сына Дружинина готова. Пришедъ къ попу, Дружининъ договорился съ попомъ, чтобы сходилъ тотъ попъ въ питейный домъ и на данныя Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Попъ на то согласился, вина и меду купилъ. А какъ сіе, окромя его, Пугачева, выпили и показалось мало, то Дружининъ послалъ попа еще за виномъ, давъ также изъ своего кошелька деньги. А попъ и еще хмѣльнаго принесъ. И такъ напились до пьяна, а болѣе старались подпоить несогласнаго къ побѣгу другаго солдата. Попъ же совсѣмъ своимъ домомъ о умыслѣ нашемъ къ побѣгу отнюдь не зналъ. И такъ простясь съ нимъ, и сказавъ, что идутъ въ острогъ, изъ дому попа вышли. А попъ, проводя на дворъ свой, возвратился назадъ и хлопнулъ калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади, запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвесть въ смотрителяхъ подозрѣніе, закричалъ: «Ямщикъ, что возмешь довезть до острогу?» А сынъ сказалъ: «Много ли васъ?» А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5-ть копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и накрылъ тотъ мнимый для другихъ извощикъ привязанною на кибиткѣ рогожкой, и такъ поѣхали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкою ѣдутъ долго, то солдатъ спрашивалъ: «Что, де, такъ долго ѣдемъ?» На то ему онъ, Пугачевъ, отвѣчалъ: «Видно, де, не въ ту дорогу поѣхали. Когда жъ выѣхали на Арское поле, то рогожку открыли и солдатъ удивился, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выѣхали изъ Казани. «Оставайся, де, съ благополучіемъ!» а сами въ путь поѣхали. Онаго солдата отнюдь они не били, а если онъ прежде такъ показывалъ, то солгалъ.

Скакали мы мимо Царицынскаго села и далѣе, не кормя лошадь, цѣлыя сутки, и пріѣхали въ одну деревню, гдѣ живутъ Татары: какъ называется та деревня, не знаю. Тутъ Дружининъ взялъ свою жену, которая жила въ укрывательствѣ отъ поисковъ Губернской Канцеляріи, и у того жъ Татарина, у коего жила жена Дружинина, купилъ онъ, Дружининъ, лошадь, за 4 рубля, и подпрягли къ первой, сѣли всѣ въ телѣгу и поѣхали въ тотъ городокъ, гдѣ Дружинина жительство. А проѣхавъ, не приставая въ ономъ, съ версту, остановились, и послалъ Дружининъ сына своего за другими дѣтьми его. Сынъ Дружинина пошелъ было по приказанію отца своего, но признанъ былъ тѣми жителями, или посланными отъ Губернской для поиска ихъ, кои хотѣли было связать; однако жъ онъ ушелъ, и прибѣжавъ, о семъ сказалъ. И такъ мы въ путь далѣе поѣхали. А на другой день пріѣхали на рѣку Вятку, на перевозъ, гдѣ спросили насъ, куда мы ѣдемъ, а какъ имъ отвѣтствовано было, что ѣдемъ на Кураковской заводъ, и такъ насъ перевезли. А какъ порядочно дороги не знали, какимъ образомъ чрезъ Яикъ на Иргизъ для жительства поѣхать, когда жъ на Иргизѣ

не покажется, пробраться на Донъ, то на дорогѣ, по нѣсколько въ пути дней, попался намъ на встрѣчу человѣкъ, и спросили его, какъ переѣхать Каму и гдѣ? На то тотъ неизвѣстный человѣкъ отвѣчалъ, что можно, де, переѣхать повыше Котловъ; тутъ, де, есть перевозъ, гдѣ мы и переѣхали. А переѣхавъ, спросили, гдѣ на Яикъ дорога? На то отвѣтствовано было: «Поѣзжай, де, на село Сарсасы» куда мы и пріѣхали. Въ ономъ селѣ былъ знакомый мужикъ, Алексѣй Кандалинцовъ; оный знакомъ по тому, что пріѣзжалъ въ Казань отдавать въ зачетъ рекрута на поселеніе людей, и былъ въ Губерской въ то время, какъ я тамъ содержался, подавалъ мнѣ милостыню. Я же тогда изъ любопытства спрашивалъ его, такъ какъ милостиваго человѣка, что онъ за человѣкъ и откуда? а онъ мнѣ разсказалъ свое жительство. По тому-то знакомству я, пріѣхавъ въ то село, и допытался, гдѣ Кандалинцовъ домъ. Дружининъ же поѣхалъ насквозь того села и сталъ на полѣ. Я же зашелъ къ тому мужику, и не для того, чтобъ жить, а чтобъ нанять лошадей, ибо тѣ, на которыхъ мы ѣхали, пріустали. Нашедъ онъ, Пугачевъ, Кандалинцова, и поклонясь ему, тотъ спрашивалъ: «Ба! Здорово, Емельянъ Ивановичъ! Куда ты ѣдешь?» А какъ Пугачевъ отвѣчалъ, что бѣжалъ и ѣдемъ на Иргизъ, и сталъ его просить, чтобъ Бога ради нанялся нѣсколько верстъ его съ товарищемъ отвезть, на то Кандалинцевъ отвѣчалъ: «Да я, де, и самъ на Иргизъ ѣду.»—«Да какъ же быть то? Вѣдь у меня есть товарищъ, такъ не равно ты не скоро соберешься, а ему ждать не можно.» На то Кандалинцевъ говорилъ: «Такъ согласись, де, на то, чтобъ уйти отъ товарища, да вмѣстѣ и поѣдемъ. А чтобъ отвесть подозрѣніе, дабы не узнали, что якобы бѣглые у меня были, и после не можно бъ было отвѣчать мнѣ, то я васъ провожу до первой деревни, а тамъ, де, ты можешь отъ товарища своего уйти, и возвратись ко мнѣ въ домъ, да поживемъ нѣсколько времени, и такъ на Иргизъ поѣдемъ.» На что онъ, Пугачевъ, согласился, и то сдѣлали. Пріѣхавъ къ первой Татарской деревнѣ, остановились для ночлегу. А въ оную ночь онъ, Пугачевъ, какъ было условлено, бѣжалъ къ Кандалинцеву въ домъ, а по утру и хозяинъ пріѣхалъ, сказывая, что Дружининъ его искалъ, и много сожалѣлъ объ немъ, однако жъ далѣе къ Иргизу поѣхалъ. Жилъ онъ, Пугачевъ, у Кандалинцева нѣсколько недѣль, а потомъ собрались съ Кандалинцевымъ и на его лошадяхъ на Иргизъ поѣхали. Кандалинцевъ на Иргизъ поѣхалъ для спасенія въ Скитъ, и для того не сказалъ объ своемъ отъѣздѣ ни женѣ, ни дѣтямъ своимъ; ибо по раскольничьему обыкновенію видно такъ водится. Онъ же, Пугачевъ, чтобы снискать въ раскольникахъ знакомство, сказывался и самъ таковымъ же, а потому во всякомъ мѣстѣ странноприимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель. А какъ при отъѣздѣ у Кандалинцева объ отъѣздѣ билетъ былъ, а у него, Пугачева, не было, то по пріѣздѣ къ Яицкому городку (ибо другой дороги

чтобъ не чрезъ городъ, на Иргизъ ѣхать, чего ради въ городъ въѣхать и опасались, чтобъ не спросили), остановились подъ городомъ, подъ Луку Переволочную. Сіе нѣкоторое Яицкихъ казаковъ урочище, гдѣ наѣхали двухъ Яицкихъ казачьихъ женъ, какъ зовутъ, не знаю, и спросили у нихъ: «Можно ли, де, поѣхать въ городокъ и оттуда на Иргизъ?» А какъ женщины отвѣчали: «Если паспортъ есть, то проѣдете; а когда нѣтъ, то въ воротахъ задержатъ.» женщины жъ спросили, куда намъ надобно; когда же сказано, на Иргизъ, то женщины указали: «Вонъ, де, у этого Строгановскаго саду (садъ казака Строга), а тамъ чрезъ Чаганъ переѣдете.» Почему они и поѣхали. А переѣхавъ чрезъ Чаганъ, поѣхали большимъ шляхомъ на Иргизъ, и пріѣхали уже поздо близъ Таловскаго умету (сей уметъ содержитъ одинъ человѣкъ, называющійся Степаномъ Максимовымъ сыномъ Оболяевымъ, прозывающимся Еремкиной Курицей), и тутъ Мечетной слободы съ крестьянами ночевали. Оные ѣздили въ Яицкой городокъ для продажи хлѣба. Тутъ Пугачовъ разсудилъ уже на Иргизъ не ѣхать, для того, что тамъ его знаютъ, и прежде поймали. А какъ и тогда былъ безъ всякаго письменнаго вида, такъ для той же причины ѣхать опасался. Отозвалъ онъ товарища своего, Кандалинцева, въ сторону, и сію, на Иргизъ ѣхать, невозможную причину разсказывалъ; на то Кандалинцевъ: «Я, де, туда поѣду;» а Пугачовъ сталъ просить, чтобъ онъ своихъ лошадей ему за настоящую цѣну продалъ. «И я, де, куда ни есть поѣду въ другое мѣсто.» Кандалинцевъ пару лошадей съ телѣгою за 25-ть рублей ему уступилъ, и я заплатилъ ему деньги. Кандалинцевъ поѣхалъ на Иргизъ, а онъ, Пугачовъ, на уметъ съ показаннымъ Еремкиной Курицей.

По пріѣздѣ къ нему Еремкина Курица узналъ его, для того, когда съ выше сего сказаннымъ Семеномъ Филиповымъ ѣздили съ Иргиза въ Яицкой городокъ для покупки рыбы, такъ у него, Еремкиной Курицы, приставали. Еремкина Курица спросилъ: «Что, Емельянъ, отпущенъ изъ подъ караула (ибо онъ зналъ, что былъ пойманъ)?» Но Пугачовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, де, а я бѣжалъ,» и просилъ его, чтобъ позволилъ у себя до времени пожить. А умечникъ на сіе говорилъ: «Живи, де; я много добрыхъ людей скрывалъ.» И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣльбѣ и ловли на степи звѣрей. А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его привлекаетъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздитъ туда для стрѣльбы звѣрей, то въ одно время обѣдали нѣсколько человѣкъ Яицкихъ казаковъ за однимъ съ нимъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, коихъ онъ, Пугачовъ, не знаетъ, что они скрываются изъ городка для того, что, по убитіи, де, Генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за награбленное у Генерала и прочихъ имѣніе, и велѣно собрать съ кого 40, съ кого 30, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то воинская команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣга-

лись; «а съ женъ, де, нашихъ взять нечего; что хотятъ, то и дѣлаютъ съ ними. А заступить, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, кои было вступились за войско, били кнутомъ и послали въ ссылку. И такъ, де, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ, де, мы укрываемся, и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно, также пострадать будетъ. И чрезъ это, де, мы погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, и прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако жъ, де, отдумали до времени.» Послѣ сего разговора тѣ казаки, вставъ изъ обѣда, разъѣхались.

Въ оное то время онъ, Пугачовъ, разсудилъ именовать себя Государемъ Петромъ Третьимъ, въ чаянiи томъ, что Яицкiе казаки, по обольщенiю его, скорѣи, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, его признаютъ, и помогутъ ему въ намѣренiи дѣйствительно. А на другой день просилъ онъ Еремкину Курицу, чтобъ велѣлъ истопить баню. Когда жъ она была готова, то пошли съ нимъ вмѣстѣ; а по выходѣ Еремкина Курица спросилъ Пугачова: «Что, де, это у тебя на груди?» На что Пугачовъ говорилъ: «Это, де, знаки Государевы.» А какъ Еремкина курица усумнился и говорилъ: «Что, де, ты говоришь? Какiе Государевы?» На то Пугачовъ, подтвердя ему: «Я, де, самъ Государь Петръ Ѳедоровичъ,» сказалъ Еремкина Курица замолчалъ, и пошли изъ бани къ нему въ землянку, гдѣ и сталъ онъ говорить еще со увѣренiемъ, что онъ подлинно Государь; а онъ ему повѣря, и дѣлалъ ему, яко Царю, приличное учтивство. Потомъ говорилъ ему же, Еремкиной Курицѣ: «Если бъ Яицкiе казаки войсковой руки умные люди, какiе проѣхали, то я бы съ ними поугорилъ.» На то Еремкина Курица: «Ко мнѣ, де, будетъ скоро Яицкой Григорiй Закладной, для лошади попросить.» Когда жъ Закладной пріѣхалъ, то Еремкина Курица ему, Пугачову, объ немъ объявилъ; а какъ Закладновъ просилъ хозяина объ лошади, а Пугачовъ сiе увидя, сказалъ Оболяеву, чтобъ лошадь ему отдалъ безденежно вовсе, то тутъ Оболяевъ говорилъ: «Ты, де, самъ не называйся при Закладномъ Государемъ, а я, де, ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобъ онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго человѣка, а именно, Короваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ. Когда же Оболяевъ Закладному объ немъ объявилъ, то онъ вначалѣ поблагодарилъ Бога, что открывается благополучiе, а потомъ поѣхавъ, сказалъ при томъ, что Короваева пришлетъ. А чрезъ сутки и Короваевъ къ нимъ съ товарищемъ, какъ оный прозывается, не знаю, пріѣхалъ. Какъ же Оболяевъ мнѣ о пріѣздѣ ихъ сказалъ, то я приказалъ ввесть ихъ въ сарай, куда всѣ и вошли, гдѣ Короваевъ спросилъ: «Ты ли надежа Государь нашъ, Петръ Ѳедоровичъ?» На то сказано мною было: «Я». и говорилъ Короваеву: «Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали?» Когда жъ мнѣ сказано, что чрезъ Закладнаго увѣдомлены и присланы, то говорилъ я: «Ну, Яицкiе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, я Государь вашъ, Петръ Ѳедоровичъ; а неугодно, такъ откажите; я пойду на Узень

вашу, и тамъ жить буду до времени.» На то Кораваевъ: «Я, де, пойду въ войско, и тамъ съ другими подумаю, и пріѣдемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми.» На то я сказалъ: «Хорошо, де, поважай, да скажи о семъ хорошимъ людямъ!» Говорилъ же въ то время и то, какимъ образомъ я спасся отъ смерти, гдѣ былъ, чему онъ, кажется, вѣрилъ, и между тѣмъ сказывалъ, что и примѣты царскіе имѣю. И такъ Кораваевъ съ товарищемъ поѣхалъ. А какъ мнѣ была въ то время надобность быть на Иргизѣ у Степана Косова за рубашками, ибо когда взятъ былъ въ Малыковкѣ подъ карауль, такъ въ то время оставить; а какъ же въ то время у Оболяева жили еще два бѣглые крестьянина, какъ звали, не знаю, то говорилъ имъ: «Не ровно, де, Яицкіе казаки прежде меня пріѣдутъ сюда, такъ бы меня подождали.» А я съ уметникомъ Оболяевымъ на Иргизъ отправились и заѣхали въ верхніе монастырскіе хутора, и спрашивали тутъ, нѣтъ ли умѣющаго хорошо писать человѣка, ибо мнѣ на первый случай, по неумѣнію моему въ грамотѣ, такой былъ потребенъ. А какъ въ тѣхъ хуторахъ ни какихъ не отыскалось, то я, взявъ въ хуторахъ монастырскихъ лошадей, и оставя телѣгу, на которой пріѣхали, сѣлъ съ Оболяевымъ верхами и поѣхали въ Мечетную слободу, прямо на дворъ Степана Косова; и спросилъ я малолѣтняго сына его: «Гдѣ его отецъ?» а онъ отвѣчалъ, что: «Хлѣбъ, де, съ пашни возитъ на гумно.» И такъ мы поѣхали на то гумно, гдѣ чаялъ найти Косова; а какъ его тутъ не было, такъ и поѣхали на пашню, откуда возитъ. А не доѣзжая туда, Косовъ съ нами встрѣтился, и поклонясь другъ съ другомъ, Косовъ спрашивалъ: «Какъ, де, Богъ тебя выручилъ изъ Казани?» На то я: «Вашими, де, молитвами.» А Косовъ: «Что, де, ты, кумъ, сюда пріѣхалъ (кумъ по тому, что крестилъ я у Косова младенца?»—«Пріѣхалъ, де, къ тебѣ за рубашками.» Косовъ спросилъ: «Да гдѣ телѣга твоя?» На то сказано ему, что за Иргизомъ, на лугу. Потомъ пріѣхали къ нему въ домъ, гдѣ Косовъ сталъ спрашивать у меня паспорта. А какъ я объявилъ, что паспортъ мой въ возу, то Косовъ говорилъ: «Пойдемъ же къ выборному объявиться.» Но какъ я боялся, чтобъ не взяли подъ карауль, то говорилъ: «Постой, де, я съѣзжу прежде въ монастырь, къ старцу Пахомію.» И такъ Косовъ сему повѣрилъ и ѣхать позволилъ. Какъ же скоро къ Пахомію въ монастырь начали въѣзжать, то и услышали за собою погоню. Тутъ бывшіе старцы закричали: «Конечно, де, за вами погоня; такъ убирайтесь поскорѣй съ двора долой, дабы васъ не поймали! Почему я, боясь бѣды, тотчасъ, покинувъ лошадь, со двора побѣжалъ, а Оболяевъ тутъ, не знаю для чего, остался. Пробѣжавъ я къ рѣкѣ близъ того жила Иргизу, сѣлъ въ лодку и переѣхалъ на ту сторону, и такъ пѣшкомъ пошелъ въ тѣ же монастырскіе хуторы, гдѣ оставалась пища тѣла. Сіе было уже вечеромъ, и для того удобно было мнѣ въ лѣсу, около того жила стоящаго, пойти, чтобъ не видали. Въ хуторѣ жъ хотя уже и были обыватели, но ни кому не показывался, а взявъ одну свою лошадь, коя

ходила въ лугахъ, обратно на Таловскій уметъ уѣхалъ; опый отъ Мечетной слободы отстоитъ на полторы сутки ѣзды. Въ уметѣ сказывалъ мнѣ мужикъ, коему стеречь приказано Яицкихъ казаковъ, что они тутъ, коему я и велѣлъ итти къ нимъ и сказать. Чрезъ нѣсколько минутъ Короваевъ верхомъ ко мнѣ и пріѣхалъ, въ такое время, когда я, стоя у рѣчки, мылъ руки; а поздоровавшись, Короваевъ звалъ меня къ себѣ въ станъ, отъ умета въ сторону, куда я на лошади Короваева и пріѣхалъ, а онъ пошелъ пѣшкомъ. Тутъ былъ въ то время одинъ только Шигаевъ. И такъ сѣли обѣдать; и лишь только начали рѣзать хлѣбъ, то увидали, что ѣдутъ къ нимъ еще два человѣка, Чика и Мясниковъ; какъ же ихъ увидѣли, то Шигаевъ пришелъ къ всѣмъ намъ и говорилъ: «Надобно, де, отъ нихъ укрыться; эти люди не надежные, а особенно Чика.» И такъ я съ Шигаевымъ бросились въ траву, а Короваевъ остался тутъ, къ которому Чика подъѣхавъ, спрашивалъ: «Что, де, ты, Короваевъ, зачѣмъ здѣсь?» А Короваевъ отвѣтствовалъ, что пріѣхалъ бить звѣря; а Чика говорилъ: «Нѣтъ, видно людей обманываетъ. Вы, де, пріѣхали къ Государю, да и я вѣдь того же ищу.» А какъ Короваевъ услышалъ, что Чика уже объ немъ знаетъ, то изъ травы ихъ и кликнулъ; почему я съ Шигаевымъ и вышли; а поздоровавшись дружелюбно, сѣли обѣдать. Когда пообѣдали (за которымъ о намѣреніи еще не говорили) и помолились Богу, то Короваевъ спросилъ меня: «Покажитко, де, намъ царскіе знаки, чтобъ было вамъ чему вѣрить, и не прогнѣвался, что я васъ о семъ просилъ.» Почему я взялъ ножикъ и разрѣзавъ до пупа ворогъ у рубашки, показывалъ имъ свои раны; а какъ они спросили: «Отъ чего, де, эти знаки?» На то я говорилъ: «Когда, де, въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками.» А какъ Шигаевъ увидѣлъ у меня на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи, и спросилъ: «А это, де, что у васъ?» На то я говорилъ: «Это, де, шрамъ у меня, потому что болѣло.» А гербовъ и орловъ Россійскихъ отнюдь онъ не показывалъ; но гдѣ, что сказано на меня, если кто говорилъ, то напрасно. И потомъ сказывалъ имъ, на спросъ ихъ, какимъ образомъ, при вошествіи Ея Величества на престолъ, ушелъ изъ Петербурга, яко бы выпустилъ меня офицеръ, и вмѣсто меня похоронецъ другой. А казаки говорили: «И намъ, де, слышно было, что Государь скончался, однако жъ болѣе, де, поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали, гдѣ; а теперь видимъ, что Ваше Величество здѣсь? Да гдѣ жъ вы такое долгое время были?» На то я отвѣчалъ, что «былъ, де, я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттоль вышелъ на Донъ, а съ Дону, де, пріѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы, да и вся черпь, обижены; такъ я хочу за васъ вступиться и удовольствовать. И хотя, де, не время было мнѣ явиться, однако жъ, видно, Богъ привелъ. А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень, для жительства до времени.» Потомъ Шигаевъ, да и всѣ сказали: «Примемъ, батюшка, только вступись за насъ,

и въ нашихъ отъ старшинъ обидахъ помоги; мы, де, въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ.» Потомъ спрашивали: «Да гдѣ уметчикъ?» На то я отвѣчалъ: «Въ Мечетной взяли подъ карауль;» а какъ спрошенъ: «За что?» то я говорилъ: «Богъ знаетъ; вѣдь, мало ли есть злыхъ людей? И меня хотѣли было арестовать, однако жъ я ушелъ; и гдѣ то я не былъ! Былъ въ Царицынѣ подъ карауломъ, былъ и въ Казани, и изо всѣхъ мѣстъ Богъ меня вынесъ.» Когда спрашивали: «Да какимъ образомъ вы спаслись?» На то сказано мною: «Вѣдь, вездѣ не безъ добрыхъ людей? Помогутъ, такъ и уйдешь.» «Да вотъ, де, и теперь надобно думать, что изъ Мечетной будетъ погоня за мною, такъ надобно отселѣ скрыться куда нибудь.» А Шигаевъ: «Теперь, де, поѣдемъ къ намъ въ хуторъ, и тамъ поживете, а мы, между тѣмъ, станемъ сзывать къ принятію васъ войско.» На то Коровaевъ и Чика говорили Шигаеву: «У тебя, де, Шигаевъ въ хуторѣ быть не можно, для того, что многіе ѣздятъ;» и потомъ Чика сказалъ: «Я, де, лучше вамъ на свои руки; а гдѣ будемъ съ нимъ жить, я вамъ послѣ объявлю, а теперь вамъ не скажу. А вы, де, поѣзжайте въ городокъ, и купите матеріи на знамена, и все, что должно, исправлять надобно проворно.» Потомъ Шигаевъ съ Коровaевымъ и съ живущими въ Таловскомъ уметѣ, съ показанными выше сего двумя крестьянами, поѣхали въ телѣгахъ, а я съ Чикою и Мясниковымъ верхами поѣхали на казачьи уметы. А какъ дорогою ѣхать вмѣстѣ всѣмъ было не возможно, то разъѣхались врозь, а съѣхались всѣ вмѣстѣ въ 30 верстахъ отъ Яицкаго городка, и на казачьемъ уметѣ ночевали. На другой же день Шигаевъ съ Коровaевымъ, поговоря о семъ предпріятіи, поѣхали въ городокъ, Русскіе мужики на Узени, а я, съ Чикою и Мясниковымъ, внизъ по Яику, къ казакамъ Кожевниковымъ на хуторъ. Не доѣзжая онаго хутора, остановились въ степи, а Чика поѣхалъ къ Кожевникову договориться, можно ли къ нему со мною въѣхать. А какъ Чика Кожевниковыхъ уговорилъ, то возвратясь и сказывалъ, чтобъ ѣхали безъ опасенія.

По пріѣздѣ въ домъ къ казаку Михаилу Кожевникову, у кого жилъ какой-то старикъ, къ нему въ особливую вошли избу. Михайло Кожевниковъ меня уже не спрашивалъ, также и братья его, Андрей и Степанъ, ибо Чика имъ все пересказалъ. Можетъ быть, и я дѣлалъ о себѣ увѣреніе, но точно какими словами, упомнить не могу; а если и были, то приличные къ моему тогда наименованію. Жилъ тутъ я въ домѣ недѣлю, въ которое время сообщники мои разъѣзжали во всѣ мѣста и подговаривали ко мнѣ людей шайку; тутъ же Михайло Кожевниковъ шилъ знамена, а матерію на оныя покупалъ въ городѣ; но думаю, что по приказу Чика, кому отъ него сіе дѣло ввѣрено было. Въ оное время Андрей Кожевниковъ поѣхалъ въ Яицкой городокъ, и услышалъ тамъ, что наряжается во всѣ мѣста команда сыскивать того человѣка, который называется Государемъ, и скоро, де, та команда будетъ сюда. «А какъ, де, у насъ отыщутъ, такъ будетъ

намъ великая бѣда; чего мы испугались, и согласясь, ночною порою поѣхали, тутъ же и Мясниковъ, на рѣку Усиху, разстояніемъ отъ Кожевникова хутора верстъ 30 или 40, сказавъ Михайлѣ Кожевникову и тутъ же въ хуторѣ живущему съ отцемъ, Василью Коновалову, чтобъ они туда палатку (оная, хотя и ветхая, была у Кожевниковыхъ), также и съѣстнова, привезли; однако жъ они на другой день къ обѣду, какъ сказано было, на Усиху не пріѣхали. А я, дождавшись вечера, съ товарищами поѣхали обратно къ Кожевникову, и взъѣхали уже не къ Кожевникову въ домъ, а къ Василью Коновалову, и велѣли истопить баню; а вышедъ изъ оной пообѣдали, и собравшись поѣхали опять на Усиху, сказавъ Кожевникову и Коновалову, чтобъ все, что надобно намъ, какъ выше сказано, туда пріѣзжали и привезли, куда они почти въ слѣдъ за нами и пріѣхали. Жили на Усихъ 4 дни, въ которые ни одинъ человѣкъ сперва къ намъ не пріѣзжалъ, хотя многимъ и заказано было; усумнились въ чаяніи, что они намъренны отстать. А согласились такъ: когда войско Яицкое выйдетъ на плавню, то имъ, сколько можетъ собраться, ѣхать туда же и перевязать всѣхъ старшинъ, такъ какъ ихъ партіи и казаковъ съ прочими, то есть, съ войсками. Когда сіе удастся, въѣхать въ Яицкой городъ и Симонова Полковника съ командою оттуда выгнать, или заарестовать всю его команду. Когда жъ сего намъ сдѣлать не удастся, тогда, подумавъ, и пойдемъ, куда разсудимъ. Вскорѣ потомъ на рѣчку Усиху пріѣхали ко мнѣ казаки, Дмитрій Львовъ и Кузьма Ивановъ, кои наши намѣреніе и совѣтъ одобрили, и поѣхали обратно уговаривать въ городокъ другихъ. Тутъ же было и то намѣреніе, если неравно плавни не будетъ, то, собравъ нѣсколько сотъ человѣкъ, итти прямо въ городокъ. Въ оное же время имѣлъ я разговоръ и такой: «Если Богъ поможетъ мнѣ воцариться, то Яицкому городку быть вмѣсто Москвы, или Петербурга, а Яицкимъ казакамъ имѣть надъ всѣми перевѣсъ.» и сему подобные дѣлалъ имъ увѣренія. А я приказалъ имъ, чтобы прислали кого ни есть письменнаго человѣка, ибо хотя они и увѣрены, что я грамотѣ умѣю, для того, что сказывалъ прежде, что на многихъ языкахъ говорить умѣю, но для переписыванія на бѣло писарь погребенъ. А Львовъ сказалъ, что «хорошо, «а я, де, пришлю Вашему Величеству и кафтанъ съ шапкою получше», для того, что я въ то время былъ въ самомъ простомъ казачьемъ платьѣ. А на другой день пріѣхалъ ко мнѣ на Усиху Никита Карповъ, тотъ, что былъ потомъ въ Яицкомъ городкѣ выбрянъ отъ меня въ атаманы, и привезъ съ собою въ писари казака Ивана Почиталина, а сей привезъ съ собою зеленый кафтанъ, башметъ и шапку; а Чика, или кто другой, вѣрно теперь не упомню, знамена, Мясниковъ сапоги и прочіе кожаные приборы. Въ тотъ же день съ Карповымъ самъ третей пріѣхалъ Татаринъ Идорка, кто его товарищи, не упомню. Былъ же въ то время и Алексѣй Когуровъ, Василій Коноваловъ, и нѣкоторые возвратились въ домы, а оставшіе со мною

разсуждали всячески къ лучшему моему, на и явно, или въ городъ, въѣзду, и какіе мѣры избрать способнѣй, договаривались. Въ самый тотъ разговоръ пріѣхалъ на Усиху съ товарищемъ, не упомню, съ кѣмъ, Степанъ Кожевниковъ, и говорилъ, что «наряжается, де, въ Яицкомъ городкѣ партія къ вамъ для поимки, и скоро, де, сюда будетъ, такъ надобно себя спасать.» Какъ же сіе услышали, то пришли въ великую робость и, оставя палатку и весь какой тутъ былъ съѣстной припасъ, сѣли на лошадей и поѣхали. А какъ я спросилъ Чику, куда они ведутъ? то онъ отвѣчалъ: «Поѣдемъ, де, въ Толкачова хуторъ, и когда, де, можетъ собрать столько людей, чтобъ ополчиться къ городку, такъ думать нечего, поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся въ Узени. Я, де, думаю, когда подъѣдемъ къ Яицкому городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда донесено будетъ, что съ нами были согласны.» Не доѣзжая жъ Толкачова хутора, Татаринъ Идоркинъ спрашивался меня: «Не прикажете ль, де, мнѣ ѣхать въ свои кибитки, и я, де, тамъ соберу лошадей и буду васъ съ ними на дорогѣ, когда вы изъ Толкачова хуторовъ поѣдете къ городку, дожидаться?» А когда вамъ ѣхать будетъ не съ чѣмъ, то и мы вровнѣ разъѣдемся.» Почему Идоркину я ѣхать приказалъ, а сами въ полночь въ хуторъ Толкачова, прямо въ домъ къ большому брату ихъ, Петру, пріѣхали. Въ ономъ хуторѣ, по повѣткѣ Чика и отъ прочихъ, собралось тутъ живущихъ человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ явился ко мнѣ и Яикъ Давилинъ, которой былъ потомъ у меня дежурнымъ и въ милости. При мнѣ оный Давилинъ послалъ къ казакамъ, не помнимъ, какъ зовутъ, на Кожихаровъ форпостъ съ Указомъ, которымъ велѣлъ я написать Почиталину, въ той силѣ, что Государь Петръ Третій Императоръ принялъ царство, и жалуетъ рѣками, морями, лѣсами, крестомъ и бородою: ибо сіе для Яицкихъ казаковъ было подобно. Когда жъ сей Указъ былъ готовъ и Почиталинъ давалъ мнѣ подписывать, то я приказалъ, чтобъ подписалъ онъ, а мнѣ, де, подписывать невозможно до самой Москвы, для того, что не надобно казать мнѣ свою руку, и есть, де, въ ономъ великая причина. Включено жъ въ томъ Указѣ, чтобъ стоящіе на форпостахъ казаки шли ко мнѣ, яко къ своему Государю. Когда жъ на Кожаровомъ хуторѣ Указъ получили, тотчасъ ко мнѣ въ хуторъ Толкачова пріѣхали. Не знаю вѣрно, а думаю, что прежде тѣмъ форпостнымъ о семъ сказано было. Когда жъ съ тѣми приѣдшими стало въ хуторахъ сорокъ человѣкъ, да Калмыкъ двадцать, тотчасъ развернули знамена, кои привезъ Алексѣй Коуровъ отъ Михайла Кожевникова, ибо тотъ ихъ шилъ у себя въ домѣ (а всѣхъ знаменъ тогда было восемь: на полотнахъ ничего другаго не было напито, какъ одинъ крестъ раскольничій), кои привязали къ конопянымъ дротикамъ, сѣли на коней и выѣхали новыше Кожихарова форпоста, да и поѣхали прямо къ Яицкому городку. А какъ доѣхавя Идоркиныхъ кибитокъ оные Яицкіе казаки, то Идорка встрѣтилъ

какъ съ 20 человѣками изъ Татаръ, съ Яицкими казаками, и къ намъ присоединился. А мимоѣздомъ взяли съ Бударинскаго форпоста двадцать казаковъ и, проѣзжая тотъ форпостъ, ночевали, гдѣ Идорка представлялъ мнѣ, чтобъ послать къ Нурали Хану Указъ и требовать у него за вспоможеніе людей, чтобъ взойти на Престолъ. А какъ я сіе одобрилъ, то и велѣлъ на Татарскомъ языкѣ написать тотъ Указъ сыну Бикаю, который и написалъ на Татарскомъ языкѣ, но въ какихъ терминахъ, того пересказать прямо не могу. А только сіе помню, что послали тотъ Указъ съ Яицкимъ же казакомъ Татариномъ, но какъ зовутъ, не знаю. Но оный Татаринъ туда не доѣхалъ, а поиманъ Яицкими казаками и привезенъ былъ въ городокъ. На другой день поѣхали къ городку и, не доѣзжая онаго еще, съ двухъ форпостовъ по двадцати человѣкъ въ толпу сею, сколько волею, а больше силою, присоединилъ. Не доѣзжая послѣдняго къ Яицкому городку угора, чей, не знаю, поймали толпы моей казаки въ сторонѣ Яицкаго казака, Скворкина; а какъ онъ былъ старшинской руки, то Яицкіе казаки и просили меня, чтобъ онаго для страху повѣсить, что я тотчасъ и исполнить велѣлъ; кто тутъ палаческую должность исправлялъ, того не помню. А не доѣзжая нѣсколько верстъ Яицкаго городка, пріѣхалъ ко мнѣ Киргизскій Мулла и требовалъ по Татарски къ Нурали Хану письма и говорилъ: «Я, де, вѣрно уповаю, что Нурали Ханъ дастъ помощь.» Оный Мулла на то, какъ видно, подговоренъ былъ Идоркою. А какъ письмо написано было Идоркинымъ же сыномъ и дано, то Мулла поѣхалъ; однако жъ сего Муллу я никогда не видывалъ, и помощи отъ Хана ни какой не имѣлъ. Потомъ приказалъ своей толпѣ, коей тогда было сто человѣкъ казаковъ и двадцать Татаръ, да двадцать человѣкъ Калмыкъ, а всего 140 человѣкъ, построиться въ одну шеренгу, и распустились знамена. Сіе для того сдѣлалъ, чтобъ показать Яицкому городку, что у меня силы много; и такимъ образомъ я подъѣхалъ къ Яицкому городку версты на три разстояніемъ. А между тѣмъ разговаривалъ съ казаками: «Я, де, пошлю туда къ войску Указъ, и когда насъ примутъ, такъ прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то повдемъ мимо за Строгановъ садъ, и тамъ почуемъ.» Потомъ написанный на послѣднемъ форпостѣ Указъ, яко бы отъ точнаго Государя, хотѣлъ лишь посылать, но въ Яицкомъ городкѣ усмотрѣли, что я близко подъѣзжаю; тутъ всѣ Яицкіе казаки и военная команда выбрались черезъ Чаганскій мостъ. Пѣхота съ пушками осталась у мосту, а ко мнѣ ѣхали на встрѣчу всѣ Яицкіе казаки; по слухамъ мнѣ извѣстно было тысячъ до трехъ, и думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ. Однако жъ сего великаго числа не очень же устрашился, болѣе думалъ и то, что есть въ томъ числѣ и мои согласники; я пошелъ прямо, а противники, не знаю, для чего, остановились. Въ оное время, какъ выше сказано, запечатанный и подписанный на имя старшины Акутина Указъ послалъ къ нему съ казакомъ Быковымъ, ибо сей охотою для отводу того Указа

ѣхать согласился, велѣю тотъ Указъ отдать Акутину и въ кругу вычесть, а Акутина вызвать ко мнѣ для опознанія, ибо сказано было мнѣ отъ казаковъ, что Акутинъ былъ въ Петербургѣ и Государя Петра Третьяго видалъ: «Такъ онъ, де, меня, и узнаетъ». Хотя, впрочемъ, я и самъ никогда тѣмъ не бывалъ, однако жъ дѣлалъ сей обманъ въ пользу свою и въ увѣреніе своей толпы. Когда жъ Быковъ Указъ Акутину отдалъ, то сей его казакамъ не читалъ. Быковъ же не знаетъ, какимъ образомъ ворочался назадъ. Въ то же время Овчинниковъ и Лысовъ перебѣжали ко мнѣ, да и прочихъ человѣкъ 50, смотря на тѣхъ же, толпу мою умножили. А какъ у меня съ тѣми предателями стало команды сотъ до 2-хъ, и Акутинъ старшина увидѣлъ, что изъ его казаковъ ко мнѣ передаются, поворотился назадъ со всѣми казаками къ мосту, гдѣ стояла городская военная регулярная команда, а я пошелъ вверхъ по Чагану съ тѣмъ, чтобъ перетти оный и ночевать, ибо сіе происходило уже въ вечеру. А за мною командирована была, для недопущенія чрезъ Чаганъ, команда, состоявшая въ какомъ точно числѣ, не знаю, безъ пушки, да и у меня въ то время не одной еще не было. Когда жъ тѣ, посланные для недопущенія меня, близко ко мнѣ подъѣхали, то приказалъ я своей командѣ сдѣлать на нихъ ударъ, для того, что увидѣлъ, что ихъ мало. И такъ толпа моя, обѣхавъ ихъ округъ, многихъ захватили, и по знаемости, казаковъ подозрительныхъ, то есть, старшинской руки, всѣхъ перевязали, прочіе охотою пристали, а нѣкоторые въ городъ ускакали. Сіе хотя и въ виду города было, однако жъ секурсу связанымъ не дано было. И такъ я поѣхалъ вверхъ Чагана небольшое разстояніе, въ бродъ Чаганъ рѣку перешелъ, и тутъ остановился для ночлега. А старшинской руки связанные казаки отданы были подъ крѣпкую стражу. Въ то время сказано было мнѣ, что въ числѣ пойманныхъ былъ старшина Витошковъ, кого я спросилъ, знаетъ ли онъ меня? А какъ онъ говорилъ, что видалъ еще маленькаго, то я, указавъ на него, говорилъ тѣмъ, кои еще во мнѣ сомнѣвались: «Вотъ, де, спросите, онъ меня знаетъ.» По утру, когда встали, то казаки пришли ко мнѣ и спрашивали: «Что, де, В. В., прикажите дѣлать надъ взятыми въ плѣнъ казаками?» На то я отвѣчалъ: «Надобно ихъ увѣрить, да привесть къ присягѣ.» Тутъ казаки мнѣ говорили: «Мы, де, имъ не вѣримъ»: а Овчинниковъ, Лысовъ, да и другіе съ ними, говорили: «Мы, де, В. В., знаемъ, кого можно простить и кого повѣсить; тутъ есть великіе злодѣи.» А какъ я увидѣлъ, что они хотятъ, дабы были повѣшены, то и приказалъ реки сдѣлать. Когда жъ оныя были готовы, то подозрительныхъ, по сказкѣ Яицкихъ казаковъ, 11 человѣкъ повѣсить, а прочихъ простилъ, въ томъ числѣ прощенъ и Витошковъ, ибо объ немъ просило войско, чтобъ его оставить. Когда жъ вѣшали тѣхъ людей, то я просилъ Яицкихъ казаковъ: «Не погрѣшите, да безвинныхъ людей не погубите;» а на то казаки: «Мы, де, В. В., знаемъ». Должность палачовскую въ то время исправлялъ

казакъ Ѳедоръ Картановъ и другой Яковъ Бурковъ, и пошли они въ сію должность охотно. Учиня я сію казнь, велѣлъ взятому въ плѣнъ еще ниже Яицкаго городка, сержанту, Дмитрію Николаеву, написать еще въ войско Яицкое Указъ, чтобъ они одумались и встрѣтили меня, яко Великаго Государя. Когда жъ оный написанъ былъ, то велѣлъ Почиталину приложить вмѣсто себя, руку. Когда жъ сей Указъ былъ готовъ, и въ городокъ съ казакомъ быть посланъ, то казакъ оный не возвратился, а въ городъ меня не впустили, ибо начали стрѣлять изъ пушекъ. И такъ я говорилъ: «Что, други мои, васъ терять напрасно; пойдемъ туда, гдѣ насъ примутъ.» А казаки говорили: «Пойдемъ, де, В. В., полемъ до Илецкой станицы». И такъ къ оной станицѣ и пошли, и пришедъ на Гнилинской форпостъ, взялъ людей и одну пушку, коя стояла въ телѣгѣ. Изъ Яицкаго жъ городка въ то время за мною погони не было, хотя я сего и много опасался, для того что людей было весьма мало.

Не доходя жъ другаго форпоста, остановился и сдѣлалъ кругъ, гдѣ позволилъ я казакамъ, по прежнему своему обыкновенію, выбрать Атамана, а почему и выбрали они Овчинникова, Полковникомъ Лысова, Есауломъ Андрея Витошкова, также и другихъ чиновныхъ, по коего именно и въ какіе чины, я теперь не упомню. Потомъ приказалъ и сдѣлать своему полку смѣту, и по счету нашлось тогда 450 человѣкъ. Сіе число умножилъ Давилинъ; ибо отъ рѣки Чагану посланъ былъ впередъ къ Илецкому городку, чтобъ съ форпостовъ забрать людей и вывесть ко мнѣ на встрѣчу. Потомъ пошелъ я къ Илецкому городку; а не доходя онаго форпостовъ всѣхъ людей съ собою забиралъ, кого силою, а кого охотою; а въ семи верстахъ отъ Илека остановился для ночлегу. Тутъ велѣлъ я написать Указъ Дмитрію Николаеву, въ такой же силѣ, какъ и въ Яицкой городокъ, Атаману Портнову, и велѣлъ ѣхать Овчинникову, а сей взялъ съ собою 10-ть человѣкъ казаковъ. Овчинниковъ, не доѣзжая въ Илекъ, послалъ тотъ Указъ съ казакомъ, какъ зовутъ, я не знаю. А какъ оный былъ Портновымъ полученъ, то не хотѣлъ было читать войску, хотя казаки и просили, чтобъ вычесть, однако жъ они его вычесть принуждали, и стали за нимъ присматривать, чтобъ не ушелъ. Ночью тотъ Атаманъ велѣлъ было мостъ спущенными сверху Яика плотами разорвать, однако оный устоялъ. А по утру Овчинниковъ, по предательству Илецкихъ казаковъ, въ Илекъ вошелъ, и Атамана Портнова заарестовалъ, а мнѣ далъ знать чрезъ казака, почему я въ Илекъ и вошелъ. Встрѣченъ былъ крестьянами съ хлѣбомъ и солью, и прошелъ прямо въ церковь, гдѣ велѣлъ пѣть молебенъ и упоминать на ектеніяхъ Государя Петра Ѳедоровича, а Государыню исключить, выговоря притомъ: «Когда, де, Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь, и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ, де, села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишенъ Престола, тѣхъ безъ всякой пощады перевѣшаю. Сынъ,

де, мой человѣкъ еще молодой, такъ онъ меня и не знаетъ.» А между тѣмъ плакалъ предъ Богомъ, говоря при томъ: «Дай Богъ, чтобъ я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здорова!» А вышедъ изъ церкви, сталъ на квартиру, и тутъ говорилъ также много приличнаго къ своему возвышенію; когда же принесли мнѣ въ избу вина и пива, на толпу свою велѣлъ растворить питейный домъ. Въ оное время одинъ казакъ Дубовской пришелъ ко мнѣ и говорилъ: «Я, де, В. В. узналъ, ибо я въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались». На то я отвѣчалъ. «Ну, старичокъ, хорошо, когда ты меня узнаешь.» И говорилъ еще подобное, однако жъ, всего упомнить не могу. Потомъ пришли ко мнѣ Илецкіе казаки и жаловались на своего Атамана Портново, что онъ ихъ обижаетъ, «да и В. В. хотѣлъ обидѣть и поломать плотами мосты». А я приказалъ дѣлать рели, и велѣлъ его повѣсить, потомъ домъ его ограбить, а сына его, еще малолѣтка, взялъ къ себѣ. Денегъ въ это время взято у Портново 300 р. Потомъ, забравъ въ городѣ все потребное, не помню, сколько пушекъ, пороху, только не малое число бочекъ, людей 300 человѣкъ, выступилъ далѣе. А прошедъ Илецкіе хуторы, верстъ 20 отъ городка, сдѣлалъ изъ Илецкихъ казаковъ кругъ, и велѣлъ имъ выбрать Полковника, а они въ тотъ чинъ удостоили Ивана Творогова, который былъ Судьею и Секретаремъ. Тутъ же выбраны были Ясаулы, Сотники и Хорунжіе. А ночевавъ тутъ, пошелъ въ Разсыпную, куда посылалъ Указы, чтобъ сдались безъ сопротивленія; а какъ не сдались, то я взялъ насильно, и Коменданта, да еще кого, не помню, повѣсилъ. И набравъ людей, пушки и порохъ, пошелъ къ Озерной, которую почти безъ сопротивленія взялъ, и не помню, сколько человѣкъ, повѣсить велѣлъ, въ томъ числѣ и Коменданта, какъ его зовутъ, не знаю, а команду поверсталъ въ казаки, и оттуда пошелъ къ Татищевой. Въ оной находился Комендантъ Биловъ съ командою, но какъ велика была, того точно не знаю. Сей Бригадиръ шелъ было ко мнѣ на встрѣчу; но какъ услышалъ, что я къ нему приближаюсь, то сѣлъ въ крѣпости, а я подошелъ близко къ оной и послалъ къ нему Указъ, но онъ за Государя меня не призналъ. Когда жъ я близко къ оной крѣпости подошелъ и сталъ дѣлать приступъ, то бывшій въ оной крѣпости при Оренбургскихъ казакахъ Сотникъ Тимофѣй Падуровъ, со всѣми казаками ко мнѣ перебѣжалъ и сдѣлалъ, что я ту крѣпость взялъ. Тутъ я раздѣлилъ свою толпу на двѣ части, одной половинѣ велѣлъ приступать снизу, при которой половинѣ былъ командиромъ Андрей Витошковъ, при другой, сверху Янка, былъ я самъ. А какъ былъ жестокой изъ крѣпости отпоръ, то усмотрѣлъ я близко крѣпости лежащее въ стогахъ сѣно и велѣлъ зажечь. Какъ же оное зажгли и дымъ на крѣпость повалилъ, то и крѣпость вскорѣ загорѣлась; народъ же, бывшій тамъ, оробѣлъ, мои ободрились и тотчасъ въ крѣпость ворвались, а войдя, множество людей покололи, въ томъ числѣ были Бригадиръ и Комендантъ Биловъ. А сего самъ, какъ онъ убитъ,

я не видалъ; ибо я вошелъ въ крѣпость тогда уже, какъ вся драка утихла, и приказалъ городъ, который еще горѣлъ, тушить, что и исполнили. А какъ, по причинѣ пожару въ крѣпости, быть войску, бывшему тутъ, не возможно, то и вышло оно все на поле, а я забрать велѣлъ въ городѣ пушки, въ томъ числѣ два единорога, и вышелъ въ лагерь, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ. Тутъ велѣлъ всѣхъ солдатъ привесть въ вѣрности къ службѣ къ присягѣ, и остричь всѣхъ по казачьи, и отпустилъ всѣхъ солдатъ въ Татищеву, для печенія хлѣбовъ. На другой день потребовалъ я къ себѣ писаря, Андрея Николаева, и однако жъ его не нашли, а по справкѣ вышло, что Яицкіе казаки утопили его въ водѣ, для того, что онъ былъ дворянинъ, а этихъ людей они не терпятъ, и говорили мнѣ: «Этотъ, В. В., насъ де, отбивался прочь, а дворянъ сталъ принимать». Въ Татищевой же крѣпости попалась мнѣ, между плѣнныхъ Разсыпной крѣпости, Комендантская жена съ роднымъ братомъ. А какъ Яицкіе казаки сіе узнали и хотѣли ихъ заколоть, то я всѣмъ имъ воспретилъ, и велѣлъ ей сѣсть въ коляску съ братомъ. И такъ выступилъ я со всею своею толпою къ Черноръченской крѣпости; а какъ тутъ большой команды не было, то безъ всякой опасности въ оную вошелъ. Тутъ былъ одинъ офицеръ, не знаю, кто, хотѣлъ было отъ меня бежать въ Оренбургъ; однако жъ велѣлъ его, поймавъ, повѣсить, приговаривая, что отъ Великаго Государя бѣгать не за чѣмъ. Ночевавъ въ Черноръченской, пошелъ въ Каргалу. Оной слободы жители встрѣтили меня со всякою честію, яко царя, почему тутъ ни одного человѣка и не повѣсилъ; а забравъ всѣхъ тутъ жителей, пошелъ въ Самарскои городокъ, въ которомъ жители, такъ какъ и Каргалинскіе жъ, встрѣтили. Въ Самарскую выслалъ былъ ко мнѣ отъ Оренбургскаго Губернатора каторжный, Хлопуша, и сказалъ, что дано было ему повелѣніе, чтобъ перечесть, сколько у меня людей и артиллеріи, а велѣно ему жъ было уговаривать бывшихъ у меня въ толпѣ людей, чтобъ отстали, о чемъ и несмѣтные Указы имѣлъ. Оный Хлопуша просилъ меня, чтобъ я его оставилъ у себя, что я и учинилъ, а Указы бросилъ въ печку. Потомъ онъ, Хлопуша, былъ у меня надъ заводскими крестьянами Полковникомъ. Въ тотъ же день я перешелъ чрезъ рѣку Самару, и тутъ переночевали, а на другой день пошли къ Оренбургу, и не дошедъ Оренбурга, ночевали противъ самой Берды, въ 7-ми верстахъ отъ города, куда Бердинскіе казаки сами ко мнѣ пріѣхали, а я и причислилъ ихъ къ своей толпѣ. Потомъ далъ приказъ своей толпѣ, что иду прямо въ Оренбургъ, однако жъ велѣлъ сперва написать Указъ Илецкому казаку, Максиму Горшкову, а подписалъ, вмѣсто меня, Почиталинъ, въ такой силѣ, чтобъ Губернаторъ не противился и мнѣ городъ сдалъ. Въ то время было у меня всего войска тысячи двѣ, да тридцать пушекъ. Какъ же въ разсужденіи такъ великаго города, людей сего числа мало, то я велѣлъ всю свою толпу растянуть въ одну шеренгу, дабы издали можно было видѣть, что сила у меня

непобѣдимая, значковъ же въ разные времена и большихъ знаменъ надѣлано было около 40. И такъ устроясь, пошелъ къ городу и остановился на горѣ, въ разстояніи отъ города верстахъ въ пяти или шести, въ тѣхъ мѣстахъ, чтобъ городскимъ меня, а мнѣ ихъ, видно было. Потомъ заготовленный мною Указъ, съ казакомъ Иваномъ Солодовниковымъ, посланъ; а сей, взявъ оный и подъѣхавъ къ Оренбургу, Указъ ущемилъ въ колушекъ, и самъ ко мнѣ возвратился. Потомъ видно было, что оный Указъ въ Оренбургъ взяли, и ничего тогда не отвѣтствовали. А какъ черезъ два часа ничего же не было, то я повелъ свою толпу къ городу ближе, и велѣлъ было сдѣлать ударъ, для взятія города конницею; но какъ стѣна Оренбургская довольно крѣпка, то и отворотить велѣлъ назадъ, а въ городѣ зажгли форштатъ и стали палить изъ пушекъ. Потомъ я, отойдя отъ города, разстояніемъ версты на двѣ, расположился станомъ, а на другой день выслана была изъ города вылазка, состоящая въ Яицкихъ казакахъ, однако жъ, не учиня ничего важнаго, разъѣхались. Въ то время пришло мнѣ извѣстіе, яко бы Бригадиръ Корфъ идетъ съ командою къ Оренбургу на секурсъ: а я, услыша сіе, приказалъ взять толпы своей казаку двѣ пушки и человѣкъ 100 людей, послать въ степь въ ту сторону, одкуда ожидалъ Корфа, и далъ приказъ тому посланному, чтобъ на утренней зарѣ палить изъ пушекъ, если и Корфа на себя не наждетъ. Сіе для того сдѣлать приказано было, чтобъ Оренбургскихъ обмануть, будто идущій къ нимъ на секурсъ Бригадиръ моими людьми атакованъ, и не равно высланъ будетъ корпусъ туда на секурсъ, такъ оныхъ перехватить. А Сотнику Артиллерійскому, Чумакову, далъ приказъ, чтобъ онъ, взявъ два единорога и десять пушекъ, шелъ командою въ то мѣсто, гдѣ чаялъ я, пойдетъ секурская команда изъ города, и чтобъ ему зажечь, когда жъ на него найдутъ, то изъ пушекъ учинить пораженіе. По утру жъ, хотя тревога фальшивая въ назначенномъ мѣстѣ и была, однако жъ посланный отъ меня далече въ степь отошелъ, а потому и не слышно выстрѣловъ было: однако жъ Оренбургскіе на вылазку вышли, противъ которыхъ и я вооружился. Когда жъ натянулъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ въ закрытіи Чумаковъ съ пушками, и такъ ихъ жестоко поразилъ не малымъ урономъ въ городъ. Потомъ Оренбургскіе на вылазку противъ меня уже долго не выходили. Изъ сего лагеря, взятую въ Татищевой женщину и съ братомъ послалъ я съ Берденскимъ казакомъ къ нему на квартеру; а какъ сіе увидѣли Яицкіе казаки, то выѣхали подъ дорогу и убили ее и съ братомъ до смерти, за то, дѣйствительно, что я ее любилъ, и о семъ мнѣ было сказано послѣ, и я объ ней сожалѣлъ. Въ оное время велѣлъ я написать Идоркину сыну къ Башкирскому старшинѣ, Яшанъ Сараю, яко бы принялъ Государь Петръ Ѳедоровичъ царство, и шли бы ко мнѣ въ службу; такъ же и къ другому, къ старшинѣ жъ, Книжаю, въ Красногорскую крѣпость, на Воскресенской и на прочіе заводы крестьянамъ, съ обѣщаніемъ имъ вольности и всякихъ

крестьянскихъ выгодъ, и съ требованіемъ, чтобъ шли всѣ въ службу; да и во всѣ мѣста, откуда чаялъ себѣ получить помощь. Въ слѣдствіе чего въ короткое время пріѣхали ко мнѣ Башкирцевъ при ихъ старшинахъ 100,000, заводскихъ крестьянъ и всякаго сорта 17,000, въ томъ числѣ нѣсколько и отставныхъ солдатъ, а чрезъ двѣ недѣли еще пришло Башкирцевъ 4,000 человѣкъ; Ставропольскихъ Калмыкъ 300, а къ декабрю прошлаго 773 года было у меня всей толпы 120,000 человѣкъ, пушекъ слишкомъ 100, 4 гаубицы, пороху и другихъ снарядовъ множество. На продовольствіе всего многолюдства, для лошадей фуража, изо всѣхъ мѣстъ потребное свозили, но большею частію съ заводовъ. Потомъ перешелъ я въ другой лагерь близъ Берды, и приказалъ дѣлать подъ городомъ 3 батареи. Сіе было ночью, и поставлено было на тѣ батареи 70 пушекъ со всѣми припасами, и отдалъ приказъ, что по утру будетъ къ городу генеральный приступъ, и когда, де, изъ вѣстовой пушки будетъ выстрѣлъ, то изо всѣхъ батарей по городу палить, что было и исполнено. Покудова жъ продолжалась стрѣльба, я, между тѣмъ, взялъ пѣшую толпу и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ форштатъ, къ каменной церкви, что отъ рѣки Яика, и приказалъ лѣзть черезъ валъ, а между тѣмъ ввезены были и въ церковь пушки, какъ въ удобное мѣсто, откуда можно было выстрѣлами подкрѣплять свою толпу. Когда жъ толпа моя стала чрезъ валъ въ городъ усиливаться, то начали изъ города жестоко бить картечами. И такъ принужденъ былъ я дать приказъ, чтобъ отступили прочь; но изъ пушекъ съ утра и до вечера, какъ отъ меня съ батарей, такъ и изъ города, перестрѣливались по самую ночь. Потомъ пушки съ батарей возвращены въ лагерь; послѣ жъ сего, хотя съ городовыми стычки и были, однако жъ больше выѣзжали на переговорку. На переговоркѣ ничего другаго не было, какъ то, что городскіе зовутъ толпы моей людей въ городъ, а мои Оренбургскихъ чтобъ поскорѣй сдались. А между тѣмъ Оренбургскіе твердили часто, что я Пугачовъ и бѣглый казакъ, однако жъ мои не вѣрили и говорили противное. Тутъ же говорено было, да и письменно знать дано, что, будто я битъ кнутомъ и рваны ноздри. А какъ онаго никогда не было, то сіе не только въ толпѣ моей развратy не причинило, но еще увѣреніе вселяло, ибо у меня ноздри цѣлы, и потому еще больше вѣрили, что я Государь. Побывъ въ лагерѣ по Ноябрь мѣсяцъ, вступилъ я со всею толпою въ квартиры, въ слободу Берду.

Потомъ услышалъ я, что идетъ для разбитія меня изъ Казани Генералъ Каръ, противъ котораго снарядилъ я Атамана Овчинникова съ 300 казаковъ съ 4 пушками. Овчинниковъ собралъ еще въ свою толпу нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ присоединилъ и Хлопушу съ заводскими мужиками. Кара принудилъ возвратиться къ Казани и привелъ ко мнѣ въ Берду около 200 гренадеръ. Когда же они приведены были, то приказалъ я поставить кресла, сѣлъ на оные и велѣлъ подходить къ рукѣ, у которой

они и были. А изъ числа оныхъ два человѣка отозвались мнѣ, что они были въ Петербургѣ и меня яко бы знаютъ, а сіе самое и дѣлало увѣреніе многимъ, для того, что мужики вѣрятъ болѣе солдатамъ, нежели казакамъ. Случалось и то, что при нѣкоторыхъ разговорахъ я плакалъ, воспоминая малолѣтство, яко бы своего сына, Государя Цесаревича и Великаго Князя, Павла Петровича, дабы чрезъ то болѣе удостовѣрить простой народъ въ моемъ интересѣ. Вышесказанныхъ солдатъ велѣлъ я опредѣлить въ пѣхоту, къ Атаману изъ Офицеровъ, Ивану Ивановичу, а прозванія не знаю. А какъ въ числѣ сихъ гренадеровъ было двое Офицеровъ, изъ коихъ одинъ назывался Швановичъ, то я спрашивалъ у гренадеровъ, каковы они люди? Гренадеры сказали, что люди хорошіе, и они ими довольны, а потому и сихъ Офицеровъ оставилъ надъ ними командирами. Одного произвелъ тутъ же Атаманомъ, а Швановича Есауломъ. Изъ сихъ же Офицеровъ Швановичъ объявилъ тутъ мнѣ, что онъ знаетъ по Нѣмецки, а я, сказавъ ему, что мнѣ такіе люди надобны, опредѣлилъ его, сверхъ Есаульской должности, къ Военной Коллегіи, для письма случившихся Нѣмецкихъ какихъ писемъ; а чрезъ нѣкоторое небольшое время, призвавъ къ себѣ Швановича, приказалъ ему написать на Нѣмецкомъ языкѣ Указъ къ Оренбургскому Губернатору, въ такой силѣ, чтобъ онъ сдался мнѣ безъ сопротивленія, и не морилъ бы людей въ городѣ гладомъ. А Швановичъ, написавъ такой Указъ, принесъ ко мнѣ, который я, принявъ отъ него, не смотря, отдалъ Почитанину и велѣлъ запечатать и послать къ Губернатору.

Потомъ вскорѣ прибѣжалъ ко мнѣ изъ Чернорѣченской крѣпости казакъ, кто онъ таковъ, не знаю, и сказывалъ, что въ Чернорѣчье вступилъ Полковникъ Чернышовъ съ командою, и намѣренъ, де, въ нынѣшнюю ночь оттуда подняться въ Оренбургъ. А я, получа о семъ извѣстіе, тотъ же часъ приготовился къ походу. На другой же день, рано по утру, выступилъ изъ Берды, встрѣтилъ его, не допуская до Оренбурга верстъ съ пять, на Общемъ Сырту у Машиной горы. Сошедшись же другъ съ другомъ, сперва отъ Чернышова начали палить изъ пушекъ, а потомъ я приказалъ отъ себя, и выпалили отъ меня только изъ четырехъ пушекъ по одному разу, то Чернышова команда оробѣла, и тотчасъ солдаты бросили ружья, всѣ ко мнѣ преклонились безъ драки, только одни Офицеры, собравшись въ одну кучку, противились и стрѣляли изъ ружей. Однако жъ никакъ не можно было имъ уже устоять: всѣхъ перехватили, въ томъ числѣ и Полковника Чернышова, который тогда сидѣлъ на козлахъ у коляски. Всѣхъ солдатъ пригнали въ Берду; Полковникова и Офицеровъ повѣсить велѣлъ, а солдатъ, по приводѣ къ присягѣ, распредѣлилъ по разнымъ полкамъ въ пѣхоту. Сія Офицерамъ казнь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, потому больше чинима была, что они обижали черныхъ, да и казни уговаривали меня, что ихъ щадить не для чего, а потому моею сія милость отмѣнена была, развѣ что безъ

вѣдома моего гдѣ именно было. Но и въ такомъ случаѣ я часто говорилъ, чтобъ безвинно людей не губили.

Тотъ же день извѣстно мнѣ было, что Бригадиръ Корфъ долженъ съ корпусомъ притти въ Оренбургъ на секурсъ. Однако жъ по взятіи корпуса Чернышева было у меня дѣло въ разстройкѣ; обольстясь тою важною побѣдою, я понадѣялся, ибо далъ приказъ всѣмъ людямъ толпы моей обѣдать, по совѣмъ тѣмъ послалъ казака, Якова Пономарева, въ числѣ 4 человѣкъ, Корфа стеречь. Когда жъ онъ увидалъ что Корфъ приближается, то вѣсть хотя и далъ, но поздно; ибо посланный отъ меня Атаманъ, Овчинниковъ, хотя и выступилъ противъ съ корпусомъ, чтобъ отъ города отрѣзать, но какъ Корфъ былъ уже подъ стѣнами Оренбургскими, то захватить его не успѣли; однако жъ Овчинниковъ къ Оренбургу близко подъѣхалъ и велѣлъ по немъ изъ пушекъ выпалить, но безвредно, а потомъ возвратился въ Берду. На другой день Бригадиръ Корфъ учинилъ вылазку, подошелъ близко Берды и началъ палить изъ пушекъ. А какъ я противъ его выпелъ и раздѣлилъ свою толпу на двѣ части, то такимъ образомъ сдѣлать на Корфа ударъ, побить не мало у него людей и принудилъ его убираться въ крѣпость. Въ слѣдующіе дни важнаго ничего не было, кромѣ переговорокъ; а хотя между тѣмъ выходили съ обѣихъ сторонъ на сраженіе, однако жъ свалки большой не было. Въ разныя времена посылалъ я изъ Берды, а иногда и самъ ходилъ, для взятія вокругъ Оренбурга крѣпостей, изъ коихъ нѣкоторыя безъ меня, а Илецкая крѣпость при мнѣ, взяты, и люди, взятые тамъ, всѣ повержены въ казаки. Потомъ просили меня Яицкіе казаки, чтобъ послать въ Яицкій городокъ Михайла Толкачова и Татарина Тайчаева освѣдомиться, что въ городкѣ Яицкомъ дѣлается. Почему я велѣлъ написать Указъ въ такой силѣ, чтобъ или они Бухарскою стороною на Калмыковской форпостъ, и оттуда, поворотя, или бы они въ Яицкой городокъ, забирая съ собою всѣхъ съ форпостовъ казаковъ, оставляя человѣка по четыре; а какъ Указъ былъ написанъ, то Татаринъ Идорка говорилъ мнѣ: «Пошлите, де, В. В., Тайчаева къ Нурали Хану; онъ, де, дѣтина проворный, и конечно по Указу Вашему исполнитъ»; почему я Тайчаеву къ Нурали Хану Указъ далъ и велѣлъ, когда исполнитъ свое дѣло, то, возвратясь бы оттуда, и вообще съ Михайлой Толкачовымъ, забравъ съ нижней Яицкой дистанціи людей, вошли въ Яицкой городокъ, и, что учинятъ, прислали бы мнѣ рапортъ. Почему Толкачовъ съ Тайчаевымъ туда и поѣхали. Тайчаевъ хотя у Нурали Хана и былъ, однако жъ помощи ко мнѣ ни какой не прислалъ; а забравъ, вообще съ Толкачовымъ, съ нижней Яицкой дистанціи людей, пришли въ Яицкой городокъ, осадили полковника Симонова въ ретраншементѣ, и прислали ко мнѣ рапортъ. Когда жъ я хотѣлъ туда ѣхать самъ, писарь Горшковъ, да и другіе, приступили ко мнѣ и просили, чтобъ учинить Военную Коллегію; ибо безъ присутствія,

де, В. В.; надобно, чтобъ она была, и должно, де, посадить для правленія, да и великимъ числомъ, людей, хорошихъ судей; почему я Коллегію и учредилъ. Въ Думные Дьяки назначилъ Ивана Почиталина, въ Секретари Максима Горшкова, въ Судьи Ивана Творогова, въ Старшины Максима Шигаева, Андрея Витошкова, и приказалъ всю свою въ Берды команду Максиму Шигаеву съ полною властію, а самъ въ Яицкой городокъ поѣхалъ, взявъ съ собою только десять человѣкъ казаковъ. А по пріѣздѣ въ Яицкой городокъ, встрѣченъ былъ съ хлѣбомъ и солью; квартиру жъ занялъ казака Михайла Толкачова. А на другой день ѣздилъ я поблизко кремля, смотрѣть, какъ бы можно было его взять. Но какъ съ колокольни тогда стрѣляли, то близко къ оному подойти было невозможно; потому приказалъ я поставить три пригина, дабы предостеречь строеніе отъ пожара, ибо Симоновъ многое строеніе жжетъ. Потомъ написалъ къ Симонову Указъ, чтобъ онъ вышелъ изъ кремля и покорился мнѣ. А какъ онъ изъ кремля не выходилъ, то я разсудилъ сдѣлать подкопъ. При главной работѣ былъ Русской человѣкъ, Матвѣй Ситниковъ, но главное надъ тою работою смотрѣніе я имѣлъ самъ. Сія работа извѣстна мнѣ по тому: когда былъ я въ Прусскомъ походѣ, такъ при подкопахъ употребляемъ былъ въ работу, и нѣкоторое примѣчаніе тогда сдѣлалъ. Оной подкопъ хотя и подрытъ, но на одну верховую батарею, и не угадали; ибо хотя и взорвало, но вреда въ кремлѣ не учинило, и на приступъ потерялъ тогда не малое число толпы своей людей. Потомъ пришли ко мнѣ Яицкіе казаки, все люди престарѣлые, въ томъ числѣ Никита Коргинъ, Ерофѣевъ, три брата Толкачовы и прочихъ множество, но всѣхъ не упомню; и говорили: «Не угодно ли, В. В., у насъ жениться?» На то я имъ говорилъ: «Если я здѣсь женюсь, то Россія мнѣ не повѣритъ, что я царь.» Но казаки говорили: «Когда, де, мы повѣрили, такъ, конечно, и вся Россія повѣритъ, а за то больше, что мы славные Яицкіе казаки». Какъ же я разсудилъ въ томъ имъ сдѣлать удовольствіе, то и приказалъ искать невѣсты. А между тѣмъ и самъ, бывъ въ одно время на дѣвишникѣ, увидѣлъ одну дѣвицу и велѣлъ записать имя; однако жъ, призвалъ Михайлу Толкачова и велѣлъ ему невѣсту присматривать, который разъ много ѣздилъ и наконецъ объявилъ, что лучше той не нашелъ, которую я самъ видѣлъ, а именно, дочь казака Петра Кузнецова. Почему я послалъ Толкачова къ Кузнецову съ тѣмъ спросить: если отдастъ онъ волею дочь свою, такъ и женюсь, а когда не согласится, такъ силою ее возьму. Толкачовъ по пріѣздѣ сказывалъ мнѣ, что невѣсту видѣлъ, а отца ея не засталъ дома, только, де, очень хороша дѣвица. А на другой день поѣхалъ самъ еще смотрѣть и посвататься. Но пріѣздѣ, отца ея дома не застали, однако жъ тотчасъ пріѣхалъ. Устинья жъ мнѣ показалась, и сталъ отцу ея говорить такими словами: «Войско, де, Яицкое налегло на меня, чтобъ я женился, а я пріѣхалъ къ тебѣ посвататься; а кромѣ, де, твоей дочери, я

лучше нигдѣ не нашелъ: отдашь ли за меня, или откажешь?» Почему Кузнецовъ отдать дочь свою за меня согласился. А на другой день была свадьба: вѣнчался въ церкви Петра и Павла въ Нескахъ. Во время вѣнчанія велѣлъ я жену мою именовать Государынею Императрицею Всероссійскою. По окончаніи свадебной церемоніи, Устинью посадили въ сани, а я сѣлъ верхомъ со всѣми моими ближними. Пріѣхавъ въ домъ къ Толкачову, былъ обѣденный столъ; и нѣсколько повеселясь, жилъ я въ Яицкомъ городкѣ послѣ свадьбы недѣлю; въ кое время приказалъ я подъ ретраншаментъ рыть другой подкопъ подъ колокольню, ибо я другаго способа не находилъ взять его, какъ подкопами. Между тѣмъ изъ Берды, отъ Максима Шигаева, получилъ я рапортъ, коимъ онъ меня увѣдомлялъ, что противъ меня идетъ Генералъ-Мајоръ Князь Голицынъ съ арміею. А я, получа извѣстіе, тотчасъ и отправился подъ Оренбургъ. Пріѣхавъ въ Берду, нашелъ, что тутъ благополучно, и услышавъ, что Князь Голицынъ отъ меня еще не близко, а выступилъ только лишь изъ Казани, почему я послалъ ко всѣмъ своимъ командирамъ, къ Аранову и къ прочимъ, чтобъ они, имѣвъ крайнее наблюденіе за Княземъ Голицынымъ, старались ему въ походѣ къ Оренбургу препятствовать, и что будетъ у нихъ происходить, присылали въ Военную Коллегію почасту рапорты. А какъ я полагалъ, что князь Голицынъ еще не скоро будетъ, то чрезъ недѣлю опять поѣхалъ въ Яицкой городокъ, препоручая главную команду въ Бердѣ надъ всѣми Максиму Шигаеву. Пріѣхавъ туда, послалъ Андрея Овчинникова въ Гурьевъ городокъ для взятія тамъ пороху, а въ ожиданіи его, старались въ окончаніе привесть начатый подколокольный подкопъ и пріумножить батареи. Между тѣмъ получилъ я отъ Шигаева рапортъ, въ коемъ онъ меня увѣдомлялъ, что у нихъ было сраженіе съ Оренбургскою вылазкою, и что онъ Оренбургскихъ съ поля сбилъ и прогналъ ихъ въ городокъ, отбилъ 13 пушекъ, три ящика пороху: каковымъ извѣстіемъ я былъ очень доволенъ, и писалъ къ Шагаеву благодарность. Потомъ пріѣхалъ изъ Гурьева городка Овчинниковъ и привезъ съ собою 40 пудъ пороху, а въ сіе время и подкопъ былъ оконченъ. И какъ положено было подкопъ произвесть въ дѣйство на другой день въ обѣдъ, то ночью, пришедъ ко мнѣ, казакъ Григорій Антиповъ рапортовалъ, что изъ города въ ту ночь бѣжалъ изъ казаковъ переметчикъ и возвѣстилъ въ ретраншаментѣ о предпринятомъ нами намѣреніи. А того онъ часа, уже не отлагая времени, дабы не успѣли изъ подъ колокольни выбрать порохъ (ибо чрезъ переметчиковъ изъ кремля было мнѣ извѣстно, что подъ колокольнею лежала пороховая казна), приказалъ въ подкопъ положить пороху 30 пудъ, и зажечь въ самую полночь, что и было въ дѣйство произведено. Подкопъ взорвало и колокольню повалило, но на приступъ тогда я не ходилъ, кромѣ какъ изъ поставленныхъ батарей производилъ пальбу. Въ сіе время пришелъ ко мнѣ рапортъ отъ Аранова: писалъ онъ ко мнѣ, что Князь

Голицынъ идетъ на Сорочинскую крѣпость. Я, получа сіе извѣстіе, на другой день, собравшись изъ города, взялъ съ собою 500 человѣкъ Яицкихъ казаковъ, пошелъ въ Берду; пріѣхавъ туда, ночевалъ одну ночь, на другой день взялъ 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ Яицкихъ 560 казаковъ и десять пушекъ, и пошелъ князю Голицыну на встрѣчу, въ Сорочинскую крѣпость. Пріѣхавъ туда, извѣстился, что Князь Голицынъ находится отъ меня уже близко, и что его команды передовая осталась въ Пронкиной деревнѣ. Я, забравъ изъ своей команды добрыхъ людей и 4 пушки, пошелъ ночью подъ ту деревню. Подъѣхавши къ оной, сдѣлали на оную команду ударъ: сперва оную сбили было съ мѣста и отбили у нихъ двѣ пушки; однако жъ напослѣдокъ, оправившись, они принудили насъ бѣжать назадъ, и тѣ взятыя у нихъ пушки обратно отняли; и такъ я, возвратясь съ такою неудачею въ Сорочинскую крѣпость и забравъ остальную свою команду и пушки, выступилъ оттуда къ Илецкому городку. Не доходя до онаго, съ дороги поворотилъ на Яикъ, а Овчинникова съ командою послалъ далѣе. Пріѣхавъ въ Яицкій городокъ, увидѣлъ, что Яицкаго кремля взять еще не могли, да и овладѣть имъ не было надежды, кромѣ какъ окидали сдачи отъ претерпѣваемаго въ ономъ голоду. Вскорѣ потомъ получилъ я извѣстіе, что Князь Голицынъ вступилъ уже въ Сорочинскую крѣпость, а я въ тотъ же день и отправился въ Берду. Пріѣхавши въ Берду, взялъ 1,500 человѣкъ команды, 15 пушекъ и пріѣхалъ съ ними въ Татищеву крѣпость, гдѣ уже Овчинниковъ былъ. Распорядивши въ крѣпости, сдѣлали съ двухъ сторонъ снѣжный валъ, а на валу разставили пушки. Приготовившись со всѣмъ къ отпору, стали ожидать Князя Голицына. Всѣхъ пушекъ тутъ у меня было 20, а людей сколько, точно сказать не могу, только число не малое. Наконецъ дождались мы Князя Голицына. Приближившіеся они къ крѣпости, прислалъ сперва трехъ человѣкъ Чугуевскихъ казаковъ провѣдать, есть ли кто въ оной; ибо мы не показывались ему, а нажидали его къ себѣ ближе, дабы лучше можно было дѣйствовать артилеріи. Я выслалъ къ тѣмъ казакамъ изъ крѣпости бабу, сказать тѣмъ казакамъ, что въ крѣпости никого нѣтъ, а хотя и были, да уѣхали. Казаки, поѣвши бабъ, пріѣхали въ ворота, гдѣ мы хотѣли ихъ перехватить, а они, увидя насъ, побѣжали назадъ. Одного изъ нихъ мы догнали, сбили съ лошади и взяли въ крѣпость, другіе же ускакали. Сего же я сталъ спрашивать: «Много ли съ Княземъ Голицынымъ?»—«Арміи 5.000, пушекъ 70». Между тѣмъ и Князь Голицынъ приближался еще къ крѣпости, и началъ производить стрѣльбу изъ пушекъ. А какъ уже по видимому и мнѣ надлежало свои батареи открыть, то и исполнили; и въ такое коротко время Князя Голицына привелъ замѣшательство, что если бъ вылазка моя, приготовленная какъ прежде, и приказано было въ такомъ случаѣ ударить, то упомню, что Князь Голицынъ приведенъ былъ бы въ великій безпорядокъ. Но толпа моей конницы оробѣла, и изъ воротъ выбить ни какъ не могли; то хотя и долгое время

продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ, но Князь Голицынъ сталъ насъ побивать, а я, видя неудачу, и что надежды нѣтъ отбиться, приказалъ Овчинникову какъ можно стоять, самъ же поскакалъ въ Берду. Вмѣстѣ со мною уѣхали тогда Иванъ Почиталинъ, Василій Коноваловъ, Григорій Бородинъ и шуринъ Егоръ Кузнецовъ. Прибѣжавъ въ Берду, призвалъ я тотчасъ Максима Шигаева, Андрея Витошнова, Ивана Творогова, Максима Горшкова и многихъ ближнихъ своихъ старшинъ, объявилъ имъ свое несчастіе, случившееся въ Татищевой крѣпости, и требовалъ отъ нихъ совѣта: куда имъ теперь, противъ ли Князя Голицына съ достаточною силою вооружаться, или въ другое мѣсто слѣдовать? Тогда всѣ мнѣ присовѣтовали, чтобъ, обойдя Князя Голицына мимо, идти чрезъ Сорочинскую крѣпость въ Яицкой городокъ; а я, на ихъ предложеніе согласившись, тотчасъ приказалъ собираться въ походъ. На другой день, пришедъ ко мнѣ старшины, доносили на Григорья Бородина, что онъ ихъ подговаривалъ меня отдать руками въ Оренбургъ, «а чрезъ то, де, мы себѣ легче сдѣлаемъ; а мы, де, на сіе его умышленіе не согласились, пришли къ тебѣ донесть.» Я тотчасъ послалъ было Бородина взять, привесть къ себѣ, но Бородинъ уѣхалъ уже отъ насъ въ Оренбургъ, и догнать его не могли. И такъ въ тотъ же день собравшись, со всѣмъ выступили изъ Берды, оставя тутъ всѣ свои припасы, провіантъ, деньги и пушки, взявъ съ собою только 10 пушекъ. И пошли мы чрезъ степь на Сорочинскую крѣпость; не дошедъ до оной верстъ за 40, усмотрѣли впереди себя Голицыной команды лыжниковъ, и опасаясь, чтобы не попасть опять на него, возвратились назадъ и пошли на Каргалу. А пришедъ въ оную, освободили содержащихся въ погребахъ Татаръ, которые служили у меня и взяты были тутошними Татарами подъ караулъ; думая, что я отъ нихъ уже совсѣмъ ушелъ, такъ хотѣли ихъ представить въ Оренбургъ. Сіи освобожденные, мстя за свою обиду, Татаръ и старшинъ 7 человѣкъ, съ дозволенія моего, перекололи и два дома ихъ сожгли.

Изъ Каргалы выступилъ я въ Сакмару, оставя на заставѣ въ Каргалѣ, съ сотникомъ Тимофѣемъ Мясниковымъ, человѣкъ съ 500 казаковъ. Пришедъ въ Сакмару, стали по квартирамъ. Сакмарской Атаманъ Донской съ командою ушелъ въ Оренбургъ, догнать его не могли, только захватили на дорогѣ отца его, котораго велѣлъ я повѣсить за то, что онъ прежде служилъ мнѣ, а тутъ бѣжалъ и измѣнилъ. Въ Сакмарѣ ночевали двѣ ночи. Не помню, откуда писалъ я къ Князю Голицыну Указъ, чтобъ онъ одумался, противъ кого воюетъ, напоминая ему отца и дѣда, предкамъ яко бы моимъ, службу. Оттуда ѣздилъ я съ командою въ Берду, для провѣдыванія, не идетъ ли Князь Голицынъ; отъ него извѣстія тутъ не получилъ, а захватилъ команду, которая выслана была изъ Оренбурга для добранія провіанта и фуража оставшихся послѣ меня, также и прочаго. А какъ они увидѣли, тотчасъ побѣжали было; однако жъ нѣсколько захватилъ.

Изъ Берды пошелъ я опять въ Сакмару, гдѣ было у меня толпы, на примѣръ, около 2,000. А на другой день извѣстился отъ Сотника Мясникова, который былъ въ Каргалѣ на пикетѣ, что приближается къ нему Князь Голицынъ. И такъ я, взявъ съ собою людей и шесть пушекъ, противъ его пошелъ, и сшелся съ нимъ у самой Каргалы, и было сраженіе; однако жъ я не вытерпѣлъ, и принужденъ былъ отступить, а конница Голицына все таки на меня наступала, и я, дошедъ до мельницы, остановился было; однако жъ Голицына корпусъ и тутъ сдѣлалъ ударъ, и толпа моя, не вытерпя, побѣжала. А какъ я видку то, что устоять было не можно, поскакалъ напередъ; а какъ толпа увидѣла, что я не стою, то и они за мною послѣдовали, и такъ всѣхъ въ догонку разбили. А я бѣжалъ со 100 человѣками Яицкихъ казаковъ, да Башкиръ ста три, въ Башкирію, на Киргизлинскій заводъ; и тутъ, стоявъ одни сутки, взялъ нѣсколько человѣкъ и пошелъ на Авзяно-Петровской заводъ. Тутъ былъ сутки же; забравъ человѣкъ 200, пошелъ на Бѣлорѣцкой заводъ. Тутъ жилъ я три недѣли; и, взявъ людей, не помню сколько, пошелъ подъ Магнитную крѣпость, въ которую написалъ Указъ, чтобъ комендантъ сдался, однако жъ онъ не послушалъ. И такъ хотя у меня и ни одной пушки не было, однако жъ сдѣлалъ приступъ; а какъ конницею взять было не можно: ибо тамъ были пушки, и какъ тутъ ранили меня въ правую руку пушечною картечью, то я велѣлъ отступить. А отонда отъ оной, расположился въ Сосникѣ и отдыхалъ одни сутки. Потомъ раздѣлилъ свою толпу на пять частей, и, со всѣхъ сторонъ Магнитную атаковавъ, взялъ; а войдя въ оную, получилъ тутъ 4 пушки, пороху и прочихъ разныхъ припасовъ. Въ оное время пришелъ ко мнѣ Атаманъ Андрей Овчинниковъ съ Яицкими казаками, коихъ было у него около 300 человѣкъ, да заводскихъ крестьянъ человѣкъ 200. Овчинниковъ бѣжалъ ко мнѣ отъ Яицкаго городка, когда разбилъ его генералъ Мансуровъ. На другой день комендантъ той крѣпости, который бѣжалъ отъ меня, самъ явился: онаго я велѣлъ повѣсить, для чего не сдался. На другой день пошелъ я вверхъ по Яицкой линіи. А какъ въ первой крѣпости отъ Магнитной былъ Генералъ Декалонгъ, то его обошелъ кругомъ степью по здѣшней сторонѣ, и вышелъ въ крѣпость, коя сидитъ на Да озерѣ. Въ оной никто хотя и не сопротивлялся, однако жъ велѣлъ выжечь: въ случаѣ Декалонгова поспѣшенія, чтобъ была ему чрезъ то остановка. Изъ оной крѣпости какой то прапорщикъ пошелъ ко мнѣ въ службу охотно. Потомъ пришелъ еще въ крѣпость, коею также приступомъ взялъ, а людей присоединилъ къ себѣ и строеніе выжегъ; а также и слѣдующую по ней выжегъ же. Потомъ пошелъ къ Троицкой; оную, хотя и съ великимъ сопротивленіемъ, однако жъ взялъ, выгнавъ изъ оной всѣхъ людей съ собою, и разграбя притомъ всѣ пожитки, вышелъ въ станъ. А на другой день генералъ Декалонгъ настигъ меня и было сраженіе, на которомъ я разбитъ, спасъ нѣсколько человѣкъ людей

и одну пушку, бежалъ къ Кунгуру, гдѣ живутъ Нестскіе казаки. А на третій день нашелъ на меня Полковникъ Михельсонъ противъ котораго я велѣлъ толпѣ своей ступиться; и было сраженіе, на которомъ я у Михельсона сперва пушки всѣ отбилъ, и его корпусъ тѣмъ привелъ въ замѣшательство; однако жъ онъ справился, и всю свою артиллерію поворотилъ, и меня разбилъ нечисто такъ, что не осталось у меня ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число. И такъ бѣжалъ я въ Похвы, и жилъ тутъ недѣлю и собралъ Башкировъ тысячь десять, въ томъ числѣ было нѣсколько человѣкъ и заводскихъ крестьянъ и пошелъ на Красноуфимскую крѣпость. Въ оной никакого сопротивленія не было; а прошедъ ее, встрѣтился съ Михельсоновою командою, и было тутъ сраженіе; однако жъ не сдѣлавъ ничего, какъ та команда, такъ и я, важнаго, разошлись. Оная команда пошла въ Кунгуръ, а я пошелъ на пригородъ Осу, самъ сталъ въ закрытіи, а Башкиръ послалъ напередъ тревожить городъ; изъ Осы выслана была команда при пушкахъ, и было сраженіе; и хотя я тогда не имѣлъ пушекъ, однако жъ у тѣхъ высланныхъ три отбилъ, а ограбя въ станъ, велѣлъ написать Указъ, чтобъ сдались безъ баталіи. Но какъ они изъ пригорода не выходили, и выслали изъ города, и стали съ пушками подлѣ стѣны города, то я шелъ было на тѣхъ на проломъ. Тутъ они не устояли и возвратились въ городокъ, оставя трехфунтовую пушку, которую я взялъ; и пошли опять въ станъ; я приказалъ навить сѣна 50 возовъ; сѣно для того, чтобъ защищать людей отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и тотъ же день пошелъ на приступъ. А какъ близко подошли, то изъ крѣпости закричали, что воевать не хотятъ, а сдадутся, «только дайте, де, до утра время,» что я и позволилъ. А на другой день выслали отставного солдата меня посмотрѣть, подлинно ли я Государь, который вышедъ, меня и смотрѣлъ, и не сказавъ какъ я, такъ и онъ, ничего, въ городъ возвратился. А на другой день Комендантъ со всею командою и со всѣми обывателями изъ крѣпости вышли и сдались, а я, вошедъ въ Осу, все, что надобно было, набралъ, и пошелъ опять въ станъ, а Осу выжегъ.

На другой день пошли къ Казани, ибо казаки умильно меня просили, чтобъ итти въ Москву, что я, въ удовольствіе ихъ, обѣщалъ. Перешедъ Каму, донію до меня, что взятый въ Осѣ Комендантъ писалъ въ Кунгуръ какое-то письмо. А какъ я велѣлъ его обыскать и нашелъ описе еще у него, въ которомъ писано, что онъ къ Кунгурскому Командиру давалъ знать, дабы какъ можно поспѣшнѣе шелъ за мною, «а я, де, закленаю у Пугачова пушки, и такъ сего злодѣя истребимъ», за что какъ того Коменданта, такъ и еще съ нимъ двухъ человѣкъ повѣсить велѣлъ. И такъ пошелъ я въ путь къ Казани, забирая людей къ умноженію со всѣхъ мѣстъ. А не доѣдя Казани, встрѣтилась мнѣ команда, которую разбилъ и людей всѣхъ взялъ къ себѣ; а на другой день встрѣтилъ еще въ маломъ числѣ, кого также безъ затрудненія разбилъ, а людей, пушки и всѣ припасы забралъ къ себѣ. А

подойдя къ Казани—еще команда, какъ видно, была на заставѣ, при одной пушкѣ, оную также разбилъ и пушку мѣдную взялъ, а людей которыхъ присовокупилъ, а прочіе разбѣжались. Подошедъ къ Казани, сталъ я въ лагерь, и написалъ къ Казанскому Губернатору Указъ, чтобъ безъ баталіи сдался. А какъ ничего отвѣтствовано не было, то навить велѣлъ 40 возовъ сѣна и сдѣлать приступъ, и хотя по многомъ сопротивленіи со многихъ сторонъ командѣ моей, Казань взялъ. А вошедъ въ оную, что надлежало, все побралъ, и людей тутъ было побито не мало. Въ острогѣ содержащихся колодниковъ выпустилъ, гдѣ нашелъ и жену свою, Софію, которую увидя, говорилъ: «Друга моего, Пугачова, жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и онъ за меня пострадалъ;» говоря при томъ: «Я, де, тебя, бѣдная, не покину.» И такъ велѣлъ ее и съ дѣтьми взять съ собою, и возилъ ихъ въ коляскѣ по самое послѣднее разбитіе, кое было подъ Чернымъ Яромъ. Было у меня и еще женщинъ около десяти, однако жъ не жены, а только одѣвали и готовили для меня ѣсть, и дѣлали всякія прислуги. Тутъ нѣсколько человѣкъ засѣчено чиновныхъ плетьми. А розыскъ сей имѣли Овчинниковъ и Давилинъ; Перфильевъ же въ то время былъ при казакахъ. Потомъ Башкирцы Казань зажгли, вышедъ изъ Казани въ лагерь. А какъ тутъ не было фуража, то перешелъ я на другое мѣсто, гдѣ услышалъ, что идетъ Михельсонъ; и такъ противъ его вооружился. А какъ люди мои были не въ порядкѣ, то потерялъ я 6-ть пушекъ, и нѣсколько разбѣжалось людей, почему принужденъ былъ отворотить въ свой станъ, и стоялъ тутъ двое сутокъ. И тотъ, собравъ толпы своей людей въ порядокъ, пошелъ на Михельсона подъ самую Казань, на Арское поле, и было съ нимъ сраженіе; однако жъ Михельсонъ разбилъ и отбилъ всю у меня артиллерію и взялъ обратно, въ Казани и въ другихъ мѣстахъ. И такъ я бѣжалъ съ того сраженія до самой ночи, а ночью Башкирцы, сколько ни было, всѣ отъ меня ушли въ Уралъ, остался только одинъ старшина, Кинджа. А на другой день прибѣжалъ къ Волгѣ, которую перешли вплавь, въ то время было у меня людей сотъ пять. Перешедъ Волгу, выжегъ одно село за то, что не дали ни какой помощи, а разбѣжались; пошелъ внизъ по Волгѣ на рѣку Суру; а не дошелъ оной, есть какой-то городокъ, куда посланъ былъ отъ меня казакъ, Чумаковъ, для взятія лошадей; онъ взялъ тутъ какихъ-то четырехъ человѣкъ Отицеровъ, и безъ вѣдома моего повѣсилъ, о которыхъ того города обыватели, пришедъ ко мнѣ, сказывали: «Они, де, не противились, такъ за что повѣсили нашихъ господъ?» На то я сказалъ: «Хотя, де, ему приказу и не дано было, но теперь не поворотишь, такъ и быть.» На другой день пошли вверхъ по Сурѣ, и шли до самаго Саратова, а по тракту въ городахъ и слободахъ вездѣ встрѣчали меня съ честію, а нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, мы казнили смертію. Пришедъ къ Саратову, прибѣжали ко мнѣ сами 60 человѣкъ Донскихъ, да 60 Волжскихъ казаковъ. При Донскихъ командиръ былъ Хорунжій Усть-Мед-

вѣдцкій, а у Дубовскихъ Хорунжій Дубовской. Подойдя подъ Саратовъ, Указы туда не посылалъ, для того что стрѣляли изъ пушекъ, а я паряднлъ Атамана Овчинникова съ командою, и Саратовъ, по сопротивленіи, приступомъ взялъ. А войдя въ оный, забравъ пушки и гаубицы, вышелъ въ станъ и стоялъ сутки. Изъ него пошелъ въ Камышенку. А не дойдя оной, прибѣжали ко мнѣ нѣсколько Царицынскихъ казаковъ. Въ Камышенкѣ большаго сопротивленія не было; засѣлъ было въ кремль Комендантъ; однако жъ Овчинниковымъ былъ взятъ, который былъ и убитъ, также и прочіе. Оттуда пошелъ я въ Остановскую станицу, и той станицы казаки со мною пошли, съ коими также и Коровайскіе, да еще изъ какой, не помню. А не дошедъ Дубовки, встрѣтилась со мною легкая команда съ Донскими и Калмыками, оную я разбилъ, также легкой команды Офицеровъ, о коихъ Овчинниковъ рапортовалъ, что были догнаты и поколоты. Тутъ взято 10 пушекъ, а людей, сколько ни было, взялъ же къ себѣ и вошелъ въ Дубовку, гдѣ ночевалъ, а оттуда къ Царицыну. А не дошедъ до онаго, прислали мнѣ въ подданство 3,000 Калмыкъ. Потомъ встрѣтились со мною Донскіе казаки и сдѣлали сраженіе, на которомъ поколотъ былъ одинъ Донской Полковникъ. А какъ пришелъ къ самому Царицыну, то тѣ же Донскіе казаки, хотя у самаго города были, по сраженія со мною дать, видно, не смѣли. Потомъ началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто, гдѣ стояли Донскіе казаки, и всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ. Полковники жъ тѣхъ Донскихъ казаковъ всѣ ушли въ городъ. Донцовъ было тогда шесть полковъ. И такъ я Царицынъ прошелъ мимо. А на первомъ ночлегѣ Донцы всѣ, человѣкъ по человѣку, ушли, которыхъ я порядочно присматривать и не велѣлъ. Отойдя отъ Царицына верстъ 60, напалъ на меня сзади какой-то Начальникъ съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всѣхъ людей, пушки, двухъ малолѣтныхъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ. Я съ Яицкими казаками и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ, бѣжалъ къ Волгѣ и въ торопливости многіе вплавь, а я съ женою въ лодкѣ, пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надобно плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался и съ нимъ нѣсколько толпы моей людей. Переѣхавъ съ острова на луговую сторону Волги и отъѣхавъ нѣсколько верстъ, ночевали; и послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерянной имъ одежды, а между тѣмъ думалъ, найду, де, и Перфильева. А какъ онъ поѣхалъ, то ко мнѣ уже не былъ, а я съ казаками, коихъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь. Потомъ разсуждая, куда ѣхать и, по многимъ разговорамъ, согласились ѣхать на Узень, а тамъ собрать людей побольше, выйти на нижнюю Яицкую дистанцію, собрать тамъ казаковъ, взять Гурьевъ, пуститься на судахъ въ море и взять какіе ни есть Орды, согласить оныя, и выйти паки въ Россію. Когда жъ на Узень пріѣхали, то толпы моей чиновные

люди, согласся къ тому другихъ, и меня арестовали. А какъ сіе было со мною сдѣлано за рѣчью Узенемъ, и учинено немногими людьми, ибо большая часть толпы моей казаки оставались на другой сторонѣ рѣки, то я хотѣлъ было къ нимъ на лошади ускакать и ихъ уговорить, чтобы они за меня вступились и тѣхъ, кои меня заарестовали, самихъ перевязали. Однако жъ, когда я поскакалъ, то Иванъ Твороговъ съ другими, напавъ меня, поймали и везли на худой лошади сутки. А какъ въ одно время стали обѣдать, то я схватилъ было саблю и хотѣлъ тѣхъ первыхъ начинщиковъ, кои меня арестовали, рубить, то есть, Федулова и Чумакова, однако жъ я осилѣнъ, и сдѣланъ былъ присмотръ за мною еще больше, и такъ везли къ Яицкому Городку. Потомъ наѣхалъ на нашу толпу высланный изъ городка Сотникъ, который, говоря съ прежними моими сообщниками, сказалъ имъ: «Для чего, если вздумали везть меня къ Городокъ, не связали? А какъ тѣ сообщники мои въ то время еще не хотѣли того сдѣлать, по тому объявленный Сотникъ посадилъ меня въ колодку, и такъ привезенъ въ Яицкой Городокъ въ Секретную Коммисію, гдѣ во всемъ вышеписанномъ и спрашиванъ. Въ заключеніе жъ сего объявляю, когда еще шелъ къ Казани, то просили меня Яицкіе казаки, чтобъ итти въ Москву и долѣе, на что я былъ и согласенъ. Когда жъ былъ подъ Казанью разбитъ и перепрятался съ малымъ числомъ толпы чрезъ Волгу, то хотя великую толпу и собралъ, но къ Москвѣ уже итти не разсудилъ, а пробирался на низъ, куда разсудилось. И дошедъ до Саратова, уговорили меня казаки, чтобъ со всею толпою, коя была въ великомъ числѣ, итти въ Яицкой Городокъ, тамъ перезимовать и опять выйти въ Русь, для докончанія моего намѣренія. Дворянъ и Офицеровъ убивалъ, большею частію, по представленію Яицкихъ казаковъ, а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ; а не попущалъ тѣмъ, кои отягощали своихъ крестьянъ, или командиры подчиненныхъ, а такъ же и тѣхъ безъ справокъ казнилъ, если кто изъ крестьянъ на помощиковъ хорошихъ доносили. Солдатъ для того въ толпѣ своей не имѣлъ, что они для меня въ службѣ не годятся. А когда въ пѣхотѣ была надобность, то я приказывалъ спѣшиваться казакамъ, кои все то дѣлали, что и солдаты. Дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всемъ Россійскимъ царствомъ, не имѣлъ; ибо разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться, или убиту на войнѣ быть. Все я заслужилъ смерть: такъ лучше умереть на войнѣ.

II

ДОПРОСЪ, УЧИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗЛОДѢЮ И САМОЗВАНЦУ ПУГАЧОВУ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ Г. Г. М. П. С. * ПОТЕМКИНА, 1774 ГОДА, ОКТЯБРЯ со 2-го по 5 ЧИСЛО.

Вступленіе.

Объявляетъ онъ, Пугачовъ, что первому помышленію его о побѣгѣ за Кубань былъ поводомъ Донской казакъ Луганской ** станицы, Андрей Кузнецовъ. Считая себя утѣсненнымъ, какъ и прочіе раскольники, совѣтовалъ сей Кузнецовъ подговаривать Яицкихъ казаковъ къ побѣгу, и говоря притомъ, что войско Яицкое было не одиократно въ смятеніи, что угнетаемо оное отъ старшинъ и начальниковъ, и что они, Яицкіе казаки, яко раскольники, на предложеніе о побѣгѣ согласятся.

Намѣреніе самого злодѣя Пугачова было бѣжать по подговору зятя его, Павлова (о семъ значитъ въ первомъ допросѣ на страницѣ 7) ***; но какъ онъ, Пугачовъ, перевезъ зятя своего за рѣку Донъ и отсталъ, то усомнился еще тогда, чтобъ за перевозомъ показаннаго зятя своего не было взысканія, ибо по установленію положена казнь таковымъ, кто осмѣлится переходить, или препровождать кого за Донъ; того ради убѣжалъ Пугачовъ, но былъ пойманъ въ Станицѣ. Тогда приказано было его, Пугачова, везти Донскому казаку Худякову. Сей Худяковъ приказалъ сыну своему отпустить (о чемъ видно изъ перваго допроса, на страницѣ) ****. Сей препоручилъ везти злодѣя въ Черкаскъ сыну своему, отпуская, приказалъ отпустить съ дороги его, не по чему иному; что Пугачовъ съ нимъ бывалъ знакомъ; взысканія же за то, что упустилъ колодника, не опасался для того, что сынъ его, былъ малолѣтенъ. Уѣздивши, злодѣй съ дороги пробрался, имѣя намѣреніе итти въ Польшу, въ Слободскую Украинскую губернію, въ Изюмской полкъ. Тамъ въ одной слободѣ былъ у одного крестьянина, по прозванію Коровки. Будучи у него нѣсколько времени, узналъ, что оный Коровка раскольникъ. А какъ онъ, злодѣй, зналъ, что раскольники бѣглымъ людямъ даютъ пристанище и вспомоществуютъ имъ, то, въ надеждѣ сей, спрашивалъ хозяина своего, какимъ образомъ можно

---

* Въ рукописи П. П. М., что кажется не вѣрно.

** Въ рукописи Лазунской, что, очевидно, описка.

*** Въ рукописи, а въ печатномъ 3 и 4.

**** Въ рукописи страница не выставлена, а въ печатномъ 5.

пройти въ Польшу. Коровка объявилъ злодѣю, чтобъ онъ шелъ въ раскольничій монастырь на Ветку и вмѣстѣ съ нимъ послалъ и сына своего, Антона, понеже сей писывалъ фальшивые паспорты. Пугачовъ напротивъ того говорилъ, чтобъ итти на поселеніе до Бендеръ; а согласся на свое мнѣніе показаннаго Антона, пошли. А сей написалъ паспорты какъ себѣ, такъ и злодѣю, съ которыми бы могли пробраться они до Бендеръ. На дорогѣ провѣдали, что въ Бендеры не пропускаютъ безъ печатныхъ паспортовъ, и поворотились на Ветку, по словамъ Коровки. Тамъ былъ нѣсколько времени (сколько, въ первомъ допросѣ, на страницѣ,* Нанимался на сѣнокосы, готовился съ пріобрѣтенными деньгами итти на Добрянку. Такимъ образомъ, заработавъ нѣсколько денегъ, пошелъ онъ, оставя на Веткѣ Коровкина сына, Антона, въ Добрянку. На дорогѣ сказался онъ Польскимъ выходцемъ, какъ и въ прежнемъ объявилъ, утаивъ прямое названіе свое для того, что если бы служивымъ, то бы его задержали. Желаніе его было поселиться на Иргизѣ, ради тѣхъ причинъ, что, будучи въ карантинѣ, слышалъ онъ отъ многихъ, какъ велики выгоды поселянамъ. Выѣдя изъ Добрянскаго карантина, дошелъ вторично къ показанному, Изюмскаго полка, къ Слободскому крестьянину, Коровкѣ, взялъ у него свою лошадь и поѣхалъ на Иргизъ, имѣя себѣ спутникомъ бѣглаго солдата, сказывающагося о себѣ также выходцемъ (пространнѣе о семъ видно въ первомъ допросѣ). Проѣзжая отъ показаннаго Коровки вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, заѣхали на устье Медвѣдицы въ казачьи хутора, и спроса, кому оные принадлежатъ, пришли къ хозяину. Сей хозяинъ есть Андрей Кузнецовъ, тотъ, который первый подговаривалъ его, Пугачова, возмущать Яицкихъ казаковъ. Когда онъ спрашивалъ пришельцевъ, куда они идутъ, и на то Пугачовъ отвѣтствовалъ, что идутъ на Иргизъ селиться, то Кузнецовъ говорилъ: «Нынѣ, де, и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ, такъ не лучше ли пробраться въ другое мѣсто?» Пугачовъ, имѣя намѣреніе и прежде съ зятемъ своимъ бѣжать на Кубань, открылся въ томъ Кузнецову, а сей отвѣчалъ, что намѣреніе его несбытное: «Какъ, де, можно бѣжать въ такой далекой путь малому числу? Слышно, де, здѣсь, что Яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше, де, его подговорить бѣжать вмѣстѣ.» Сими мыслями воспользовавшись, спрашивалъ злодѣй: «Какимъ способомъ и какимъ путемъ пробраться на Яикъ?» А хозяинъ отвѣтствовалъ, чтобъ шелъ онъ въ Мечетную Слободу и явился у игумена раскольничьяго монастыря, Филарета, увѣря при томъ злодѣя, что игуменъ ему по расколу крайне знакомъ. При отъѣздѣ его Кузнецовъ далъ ему денегъ 74 рубля съ тѣмъ, чтобъ оные деньги отдалъ Пугачовъ брату его, Кузнецова, живущему на Иргизѣ. Злодѣй, пріѣхавъ въ Мечетную Слободу, явился къ игумену Филарету, объявить ему намѣреніе свое, и

* Въ рукописи не означено страницы, а въ печатномъ 3.

отецъ игуменъ одобрилъ оное, сказавъ при томъ, что, «по обстоятельствамъ, Яицкихъ казаковъ возмутить не только не трудно, но и весьма возможно.» Съ такимъ намѣреніемъ отправился злодѣй на Яикъ, подъ видомъ, яко бы за покупкою рыбы. Будучи дорогою съ крестьяниномъ Малыковской волости, Семеномъ Филиповымъ (сей самый Филиповъ поймалъ злодѣя и къ Малыковскому управителю допосъ представилъ), объявилъ ему намѣреніе свое, а прибывъ въ Яицкой Городокъ, сталъ въ домѣ казака Дениса Пьянова. Между многими разговорами спрашивалъ злодѣй о состояніи Яицкихъ казаковъ; а какъ усмотрѣлъ ихъ неудовольствіе, то и сталъ подговаривать ихъ къ побѣгу за Кубань Некрасовскимъ путемъ, обнадеживая ихъ награжденіемъ, какъ на него изъ Малыковки показано.

Соображая обстоятельства похожденія злодѣя по всѣмъ свѣдѣніямъ, каковыя Секретная Коммисія собрать могла, съ показаніемъ его, усмотрѣно, что злодѣй скрывалъ ядъ злости на сердцѣ; для того учинено было ему малое наказаніе; и по доводамъ тѣмъ, что до поимки его, Пугачова, открылось уже, какіе имѣлъ онъ замыслы и совѣты, будучи на Яикѣ въ домѣ казака Дениса Пьянова, убѣждаемъ былъ злодѣй, и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ.

1

Возмечталъ онъ, злодѣй Пугачовъ, принять на себя высокое названіе покойнаго Государя Петра Третьяго въ Добрянкѣ, по наученію купца Добрянскаго, прозваніемъ Кожевникова. Когда онъ, злодѣй, былъ въ карантинѣ, то, для прокормленія, своего нанимался въ разныя работы, между прочимъ по найму работалъ, и показался на покойнаго Государя, Петра Ѳедоровича, одному бѣглому солдату, сказывавшемуся также выходцемъ изъ Польши. Сей солдатъ объявилъ хозяину, что онъ, смотря на Пугачова, находитъ великое въ немъ подобіе покойному Государю Петру III. Кожевниковъ услышя, спрашивалъ Пугачова, какой онъ человѣкъ и, лаская его разными образы, выпыталъ изъ него о точномъ его званіи и природѣ, и открывшись въ званіи своемъ, не утаилъ и того, что онъ изъ дому своего бѣжалъ, и объяснилъ причины его побѣгу. Кожевниковъ, свѣдавъ вѣрно, говорилъ злодѣю: «Слушай, мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе Государя Петра Ѳедоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я, де, точно вѣдаю, что Яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Сей солдатъ скажется Гварденцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно Государь, и онъ тебя знаетъ, а простой народъ сему повѣритъ. Обѣщай Яицкимъ казакамъ

награжденіе, по 12-ти рублей на человѣка; деньги жъ, если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы шли, раскольниковъ, взяли съ собою: ибо намъ здѣсь жить староверамъ стало трудно, и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное.» Обрадуясь случаю сему, злодѣй утрудился принять на себя высокое названіе, и совѣтовали, какимъ лучше способомъ объявиться ему подъ именемъ Государя? Въ совѣтѣ еще былъ съ ними Добрянской кузнецъ, Крыловъ. И положили, чтобъ ему ѣхать на Иргизъ, въ Мечетную Слободу, къ игумену Филарету. Кожевниковъ и Крыловъ приказали явиться у Филарета, обѣщал, что онъ, Филаретъ, подастъ помощь и совѣты, яко лучше всѣхъ свѣдущій человѣкъ о состояніи Яицкихъ казаковъ, примолвя при томъ, что и всѣ раскольники, если удастся ему, злодѣю, съ нимъ пойдутъ. Такимъ образомъ, во упованіи на сію помощь, отправился онъ на Иргизъ съ показаннымъ солдатомъ, имѣя точное намѣреніе назваться именемъ Государя Петра III; а солдату всегда обнадеживалъ его, что будетъ увѣрять всѣхъ о сходствіи съ бывшимъ Государемъ. Отправясь изъ Добрянки, завезли они къ вышеписанному Слободскому крестьянину, Коровкѣ, а оттуда во Донскія станицы, къ Кузнецову. По прибытіи на Иргизъ, товарищъ его, бѣглый солдатъ, отъ него отсталъ, и записался въ рекруты, по какой ради причины, не вѣдаетъ, а онъ, злодѣй Пугачовъ, пришелъ къ Филарету, сказалъ ему свое имя, открылъ ему совѣты Кожевникова, и Филаретъ принялъ сіе намѣреніе съ радостію, обнадеживал при томъ, что Яицкое войско его, Пугачова, приметъ, и что и самъ отецъ Игуменъ въ томъ будетъ способствовать. Условясь, поѣхалъ онъ въ Яицкой Городокъ, подъ видомъ покупки рыбы. Филаретъ далъ ему, злодѣю, наставленіе такимъ образомъ подговаривать Яицкихъ казаковъ: велѣлъ ему прямо ѣхать въ станицу Денису Пьянову, и первому ему объявить, яко бы Пугачовъ былъ подлинно Государь Петръ III, и что онъ присланъ отъ игумена Филарета. Съ сею надеждою прибылъ онъ на Яикъ и сдѣлалъ обнадеживаніе, открывшееся въ Секретной Коммиссіи по допросу Дениса Пьянова, который въ началѣ Августа умеръ.

2

Понеже онъ, Пугачовъ, въ сіе время скрывался купцомъ, и когда подъ симъ званіемъ взятъ былъ подъ карауль, то управитель Малыковской, выдая объ немъ прежде по паспорту Добрянскаго Директора, что онъ, Пугачовъ, назвавъ былъ выходцемъ изъ Польши, сталъ его съѣзжать и, узнавъ его прямое званіе, послалъ его въ Симбирскъ. Будучи дорогою, просилъ онъ проводниковъ своихъ, коихъ было двое, чтобъ его освободить; но они, согласяся на то, требовали съ него по 100 рублей, то Пугачовъ отрекся дать сію сумму, сказавъ, что онъ имѣетъ только 77 рублей. При сихъ словахъ убѣждаемъ былъ злодѣй вновь какъ самымъ письмомъ,

писанным отъ него къ Филарету, такъ и разными извѣстными доказательствами, по показанію его сообщниковъ.

Показанныя деньги въ письмѣ 470 рублей имѣлъ онъ, злодѣй, подлинно оставленными имъ у Филарета. Оныя деньги получалъ онъ, злодѣй, во первыхъ, отъ показаннаго крестьянина Коровки, 370 руб., согласившагося съ нимъ бѣжать и уговаривать другихъ раскольниковъ, да отъ казака Луганской * станицы, по прозванію Долотина, 42 р., а послѣдніе 74 р., какъ выше сказано, отъ Кузнецова. Всѣ оныя деньги даны были ему, злодѣю, на вспоможеніе адскаго намѣренія назваться именемъ Государя и возмутить Яицкихъ казаковъ, въ томъ еще обнадеживаніи, что они, выше сказанные его пособники, такъ и всѣ раскольники его помогать будутъ всѣми способами и не щадя денегъ. Кузнецовъ, при отъѣздѣ злодѣя, увѣрялъ, что злодѣйству ихъ помогать будетъ Донской казакъ Вершиловъ, не жалѣя иждивенія; что оный Вершиловъ, почтенный человѣкъ между раскольниковъ, согласитъ многихъ, и что его всеконечно послушаютъ, утвердясь на таковыхъ основаніяхъ; потому, по многихъ обѣщаніяхъ, приступилъ онъ къ злодѣйству. А когда пойманъ былъ въ Малыковкѣ и представленъ въ Симбирскъ, то показалъ имя извощика своего, Попова, и что просилъ онъ, злодѣй, одного подъячего, знакомаго Попову, о ходатайствѣ у Воеводы, Ассесора и Секретаря, дабы его, Пугачова, освободить, и обѣщалъ имъ, сказанные въ письмѣ, 300 рублей за освобожденіе. Сей подъячій спрашивалъ злодѣя, имѣетъ ли обѣщаемыя деньги въ наличности? А какъ онъ объявилъ, что готовыхъ денегъ нѣтъ, но въ Мечетномъ раскольничьемъ монастырѣ у Филарета, то писарь, обнадежа приложить стараніе, ничего не исполнилъ. По усильной, однако жъ, просьбѣ его, написалъ письмо сіе и послалъ съ вышеписаннымъ Поповымъ (имя сего Попова Василій Ивановъ сынъ). Вскорѣ Пугачовъ посланъ въ Казань, гдѣ и объявили Воеводѣ, что Пугачовъ за освобожденіе сулитъ 300 рублей, но злодѣй не показываетъ, говоритъ, что поклепать напрасно не хочетъ въ стараніи прочихъ людей, въ разумѣ томъ, что показанные, Поповъ и подъячій, обѣщались ему помогать; Филарету угрожалъ для того, что сей игуменъ былъ злѣйшему намѣренію ихъ сообщникомъ и награжденіе сулилъ, ожидая не только успѣха въ предпріятіи, но и помощи отъ Кожевникова, какъ выше сказано.

3.

Будучи еще въ Мечетной слободѣ, слыхалъ онъ отъ игумена Филарета, что въ Казани есть купецъ Василій Григорьевъ сынъ Щолоковъ, крайній другъ его и раскольникъ. По подозрѣнію его, Щолокова, дающаго пристанище раскольникамъ, и что у него жилъ въ домѣ прошлой зимы сей плутъ, Филаретъ, писано было отъ Коммиссіи о присылкѣ Щолокова въ Петербургъ, къ Генералу-Прокурору, Князю Вяземскому, и хотя отвѣтствовано,

* Въ рукоп. Лучинской, но ниже опять Лазунской.

что сей Щолоковъ взялъ откупъ въ Тверской провинціи, будетъ 12 Августа, но онъ не былъ, а жена его содержится въ Коммисіи. По этой надеждѣ злодѣй Пугачовъ, когда содержался въ Казани, просилъ одного мальчика, приносящаго въ тюрьму пироги на продажу, свѣдавъ, что сей мальчикъ былъ изъ дому Щолокова, чтобъ онъ прислалъ своего хозяина въ тюрьму для переговора съ нимъ, злодѣемъ. По сему позыву Щолоковъ въ тюрьму приходилъ. Щолоковъ спросилъ его, за что онъ содержится? Злодѣй отвѣчалъ, что за крестъ и бороду. Сіе сказано въ томъ разумѣ, чтобъ больше подвергнуть его къ жалости, ибо онъ зналъ, что Щолоковъ раскольникъ. Въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ Щолоковъ дѣлать ему вспоможеніе, присылалъ ему неоднократно милостыню, давалъ ему въ разныя времена по нѣсколько денегъ, обѣщалъ за него просить Губернатора и Секретаря. По нѣкоторомъ времени паки приходилъ къ нему въ тюрьму, и сказывалъ, что ужъ, по обѣщанію своему, судей просилъ, и что Губернаторъ велѣлъ повременить, Секретарю же обѣщано было 20 руб. Тутъ открылъ онъ, злодѣй, Щолокову, что оставилъ деньги свои у Филарета, и что изъ оныхъ денегъ заплатитъ ему обѣщанные 20 рублей Секретарю, и просилъ онъ Щолокова, чтобъ постарался склонить купцо съ собою о свободѣ его, Пугачова, и Московскаго купца, Ивана Иванова сына Хлѣбникова, ознакомившагося съ нимъ, Пугачовымъ, чрезъ одного тюремнаго, Закилева. Сей посланъ на поселеніе. По сей просьбѣ Щолоковъ ходилъ къ Хлѣбникову, и сей приходилъ въ тюрьму къ Пугачову и обѣщалъ объ немъ стараться. При свиданіи съ нимъ сказывалъ, что намѣренъ писать къ Филарету, и злодѣй его просилъ, чтобъ отъ него послать къ игумену письмо, объявя также Хлѣбникову, что у Филарета оставлено его денегъ 470 руб. Письмо отъ злодѣя писалъ колодникъ Бигиловъ, и содержаніе онаго было, чтобъ Филаретъ старался о освобожденіи и прислалъ бы къ нему деньги. Когда онъ, злодѣй, призыванъ былъ предъ Секретаря, то, по распросѣ его, просилъ онъ, злодѣй, о свободѣ, а тотъ сказалъ ему сими словами: «Будетъ, мой другъ, время!» Потомъ вторично былъ злодѣй призыванъ къ Секретарю, и когда съ него сняты ручные кандалы, далъ ли Секретарю Щолоковъ обѣщанные 20 рублей, онъ, злодѣй, не извѣстенъ. Въ тожъ самое время сняли съ злодѣя тяжелые ножные кандалы и заклепали въ легкіе. Послѣ того отосланъ Пугачовъ изъ Губернаторской Экспедиціи въ обыкновенный острогъ; тамъ будучи нѣсколько недѣль, познакомился онъ съ Дружининымъ (какъ значитъ въ первомъ допросѣ), содержавшимся по начету. Въ тотъ день, когда условились они бѣжать, подарили они тюремному надзирателю 10 копѣекъ. Офицеровъ онъ никогда не даривалъ. И Священникъ о побѣгѣ его ни мало не зналъ. Впрочемъ, о уходѣ своемъ изъ Казани объявилъ такъ, какъ въ прежнемъ допросѣ, прибавя, что Дружининъ и онъ, злодѣй Пугачовъ, пивши у Священника, старались напоить несогласнаго солдата, а сами весьма береглись; что, будучи оный солдатъ почти безъ чувствъ пьянымъ, не могъ имъ въ побѣгѣ препятствовать. Оный солдатъ прошлую зиму умре.

4.

По переходѣ Пугачова на правый берегъ Волги отсталъ отъ толпы бунтовщичьей Яицкой казакъ не Остафій Трифоновъ, а прозваніемъ Ходинъ. Но сей скоро возвратился, набравъ до 700 человѣкъ, и соединился съ главною злодѣйскою толпою. При Саратовѣ Остафья Трифонова онъ, злодѣй, никогда въ толпѣ своей не имѣлъ и не зналъ. (О семъ тоже показываетъ и Чумаковъ). Никого изъ толпы своей къ Царицыну не отправлялъ, а отправилъ въ Москву, называющагося купцомъ, Ивана Ивановича. Сей самый пріѣхалъ въ толпу бунтовщичью тогда, какъ злодѣй былъ въ Уралахъ. Добровольно злодѣй объявляетъ, что никогда до того времени его не зналъ. Пріѣхавъ въ Уралъ, показанный Иванъ Ивановъ удостовѣрилъ мысли обворожениаго народа тѣмъ, что разглашалъ повсюду, яко бы онъ присланъ отъ Государя Цесаревича съ подарками. Точно сіе показывалъ въ допросѣ своемъ старшина Казнаферъ и священнымъ именемъ Его Высочества увѣщевалъ простой народъ къ преклоненію къ Пугачову, сказывая, что не Пугачовъ бунтуетъ, а подлинный Государь защищаетъ престолъ, что способствовало злодѣю много усилиться. Сверхъ того разсказывалъ оный купецъ повсюду, что привезъ онъ отъ Его Высочества шапку, сапоги, а отъ Ея Высочества два камня. Все сіе въ самомъ дѣлѣ было произведено. Но Пугачовъ, принявъ подарки, не входилъ въ подробности, отъ кого оныя были присланы, радуясь только тому, что сей доброхотъ отголь много преклонилъ къ нему народа. Когда злодѣй разбитъ подъ Троицкою крѣпостію, то первую подалъ ему мысль показанный Иванъ Ивановъ, собравъ новую толпу, итти къ Казани, сказывая ему, что онъ можетъ тамъ утвердиться, и потомъ слѣдовать для принятія въ Москву Всероссійскаго престола. Народу же разглашалъ онъ, Иванъ Ивановъ, что Государь Цесаревичъ съ войсками слѣдуетъ къ Казани на помощь; что Казань ему не противясь покорится; и вплвь его совѣтъ, злодѣй пошелъ къ Казани и объявлялъ уже намѣреніе сіе въ ложныхъ Манифестахъ. Когда злодѣй перешелъ за Волгу, то сей Иванъ Ивановъ, называющійся купцомъ, предъ всею толпою просилъ его въ Москву и въ Петербургъ, говоря такъ: «Время теперь, батюшка, надежа-Государь, ѣхать возвратно (примолвя дерзновенно) къ твоему Павлу Петровичу, и объявить ему, что Ваше Величество перешелъ съ арміею за Волгу, и чтобъ поспѣшалъ съ обѣщанною силою къ тебѣ на помощь скорѣе.» Онъ, злодѣй, слышна сіи слова, хотя и зналъ, что посылать къ Его Высочеству не есть дѣло возможное, но, отправивъ его при всемъ народѣ, высыпалъ ему изъ полы своей 50 рублей денегъ и отпустилъ въ Москву, дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣй не только не самозванецъ, но ожидаетъ подкрѣ-

ленія себѣ. Отправленіе сіе называющагося купцомъ весьма сходствовало съ тѣмъ, какъ разсказывалъ о своемъ отправленіи назвавшійся Остафіемъ Трифоновымъ. Сходство примѣтъ по словамъ злодѣя дѣлаетъ подозрѣніе, что онъ самый тотъ, который назывался купцомъ Иваномъ Ивановымъ въ толпѣ злодѣя. Въ самомъ же дѣлѣ весьма подозрительно, не былъ ли сей пособникъ злодѣя посылаемъ отъ раскольниковъ? Въ Царицынѣ же онъ злодѣй, какъ выше сказано, никого не посылалъ, а приказалъ сему, называющемуся купцомъ, что когда онъ возвратится, чтобы искалъ его подъ Царицынымъ, и если его толпа усилится, то далъ бы знать о состояніи Москвы и Петербурга: а если его разобьютъ, такъ, что справиться ему не будетъ способу, то искалъ бы его у Царицынскаго жителя, Попкова, гдѣ, по нѣкоторому знакомству, чаялъ онъ при несчастіи искать убѣжища. Называющійся Яицкимъ казакъ Остафій Трифоновъ показалъ точно сіи слова, съ тѣмъ только разнищею, что Царицынскаго жителя показалъ онъ Попова, а не Полякова. Часто помянемый Иванъ Ивановъ при отъѣздѣ своемъ спрашивалъ при всѣхъ, называя злодѣя высокимъ именемъ Государя, какъ онъ велитъ пріѣзжать Его Высочеству, одному, или вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ? А злодѣи отвѣтствовалъ, для обольщенія народа: «Пускай пріѣзжаетъ вмѣстѣ, и чтобъ они скорѣи изъ Петербурга выѣзжали.»

5.

Изъ чиновныхъ людей въ бунтовщичьей шайкѣ у него, злодѣя, были изъ самаго начала, послѣ разбитія Генералъ-Маіора Кара, изъ взятыхъ дѣухъ ротъ 2-го Гренадерскаго полку подпоручикъ Шигаевичъ (обстоятельства значатся самаго Шигаевича въ допросѣ). Сей Офицеръ служитъ ему, злодѣю, и лично бывалъ на сраженіи подъ Оренбургомъ, при сообщникѣ злодѣя, Яицкомъ казакѣ Шигаевѣ; сказывалъ злодѣю о себѣ, что онъ, Шигаевичъ, крестникъ въ Богъ почивающей Г. И. Е. И., что умѣетъ говорить многими языками, и можетъ способенъ быть къ установленію въ то время злодѣйской Коллегіи, и перевесть ему на Нѣмецкій языкъ подложныя Манифестъ и Указъ къ Оренбургскому Губернатору. И съ тѣхъ поръ подо всѣми злодѣйскими Указами подписывалъ онъ, Шигаевичъ, вмѣсто самаго злодѣя по Латыни: Петръ. Сверхъ того слышалъ онъ, злодѣй, отъ Горшкова, что онъ Думный Дьякъ злодѣйской, обще съ Шигаевичемъ, писали Указы на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкѣ, но куда оные Указы посылали, злодѣй не извѣстенъ (что съ очной ставки Горшкова съ Шигаевичемъ извѣдать должно. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ, злодѣй, разбитъ вторично Генералъ-Маіоромъ Кн. Голицынымъ подъ Самарою, когда онъ ушелъ къ Уралу, никого изъ дворянъ при себѣ не имѣлъ. Слѣдуя же къ Троицкой крѣпости изъ подъ Татищевой, ни мѣста, ни времени гдѣ, не

помнитъ, какой-то Прапорщикъ предался ему, злодѣю, въ вѣрныя услуги. Имя сего Прапорщика онъ не помнитъ. Вскорѣ потомъ злодѣй разбитъ былъ подъ Троицкою крѣпостію, а сказанный Прапорщикъ, между прочими, взятъ войсками въ плѣнъ. Впрочемъ, утверждается въ томъ, что онъ никогда довѣрности къ сему Прапорщику не имѣлъ. Изъ подъ Троицкой крѣпости до самой Осы никогда изъ чиновныхъ у него въ толпѣ не было, а послѣ похищенія Осы, взяты были Маіоръ Скрыпицынъ, Капитанъ Смирновъ и Подпоручикъ Минѣевъ. Сей послѣдній донесъ на Маіора Скрыпицына, что изготовилъ онъ въ Казань рапортъ, объявляя, что толпы его.... за что Скрыпицынъ и Смирновъ были повѣшены, а Минѣевъ названъ Полковникомъ и Атаманомъ. Потомъ сей нечестивецъ обѣщалъ злодѣю свои услуги, провести его въ Казань и подать способы, какъ овладѣть Казанью. О семъ изъ допроса Минѣева яснѣе видно.

6.

По переходѣ на правый берегъ Волги, хотя избралъ онъ нѣсколько Офицеровъ, кои отъ смерти и мучительства избавлены, но никакого совѣту съ ними не имѣлъ, а были они употребляемы въ разныя должности, и никому изъ нихъ самозванецъ повѣренности не имѣлъ. Во всѣхъ мѣстахъ, переходя до Царицына, никогда ни съ кѣмъ переписокъ не было, кромѣ что, по предложенію одного солдата, кто онъ таковъ, не знаетъ, послалъ злодѣй ложный свой Указъ къ Поручику Алексѣю Матвѣеву сыну Гриневу въ допросѣ Неустроева показано о семъ Гриневѣ). Сей солдатъ сказывалъ, что онъ съ Гриневымъ весьма знакомъ, одобрялъ злодѣю онаго Поручика и обнадеживалъ, что будетъ къ самозванцу преклоненъ. На сіе посланіе никакого отвѣту не было. Прочія же показанія Неустроева, по допросу, учиненному ему въ Краснокутскомъ Коммисарствѣ, отвергаетъ доказательствомъ, что послѣ того, какъ онъ, злодѣй, прогнанъ изъ подъ Царицына, до совершеннаго разбитія его, было только три дня, поспѣшая схватить Черноярскую крѣпость, не имѣлъ времени посылать Указы. Когда жъ онъ переплылъ Волгу на Яицкую степь, то не только посылать Указы, но и воли уже не имѣлъ, ибо Яицкіе казаки не допускали никого съ нимъ соединиться, и сколько ни желало къ его толпѣ прилѣпиться, то казаки отнимали лошадей, говоря ему, что допуская умножать толпу, будетъ замедленіе; да и бумаги и чернилъ съ нимъ вовсе не было. Во все жъ время злодѣйства своего разсыпалъ разные Указы, но вообще или для устроенія, или для обольщенія народа.

По дополнительнымъ пунктамъ, коими убѣждали злодѣя:

1.

Объяснено.

2.

Объяснено.

3.

Будучи въ службѣ Ея Императорскаго Величества подъ Бендерами, въ командѣ Генералъ-Аншефа и разныхъ Орденовъ Кавалера, П. Ив. Панина, случилось ему быть пьяному; тогда выговаривалъ онъ одному изъ казаковъ (имени не упомнитъ, который спрашивалъ его: откуда онъ взялъ саблю? Злодѣй, зная, что хорошія сабли жалуются отъ Государей за заслуги, и что таковые казаки въ почтеніи, отвѣтствовалъ, что сабля его пожалована отъ Государя; а какъ онъ ему заслугъ тогда никакихъ не сдѣлалъ, а отличнымъ быть всегда хотѣлось, то сказалъ, что сабля ему пожалована потому, что онъ крестникъ Государя Петра Перваго. Сіе сказано, заключается злодѣй, не отъ какихъ намѣреній, кромѣ, чтобъ чрезъ то произвесть себя отличнымъ отъ другихъ (о семъ обстоятельно можно изслѣдовать съ допросомъ Козицкаго и перваго допроса жены его, Софьи, съ воисковою Канцеляріею). Случаи сей процесся между казаковъ и дошелъ до Полковника Ефима Кутейникова; но однако жъ не поставили ему сіе слово въ преступленіе, а только смѣялись.

4.

Объяснено.

5.

Объяснено.

6.

Копіистъ Петръ Алексѣевъ взялъ съ него четыре воза рыбы и одинъ рубль, и за то не внесъ въ допросъ тѣхъ словъ, которые онъ, злодѣй, говорилъ Пьянову, и въ которыхъ онъ признался. Управитель Малиновскій убитъ, а копіистъ умре прошлаго года.

7.

Въ самое то время, когда ушелъ онъ изъ Казани и былъ у Кандалинцева, купилъ злодѣй у него пару лошадей за 25 рублей, и поѣхалъ на Яикъ, а Кандалинцевъ на Иргизъ; но послѣ уже, когда злодѣй подъ званіемъ Государя Петра Третьяго производилъ свирѣпство и бунтъ, явился къ нему сказанный Кандалинцевъ, но былъ не долго, ибо, по разбитіи бунтовщичьей толпы подъ Яицкимъ Городкомъ, онъ, Кандалинцевъ, по приказу Генералъ-Маіора Мансурова, повѣшенъ.

8.

Никогда и ни съ кѣмъ онъ, злодѣй, изъ раскольниковъ переписокъ не имѣлъ, а уповаетъ, что начальный плутъ, Кожевниковъ, о томъ старался, обѣщалъ всякаго рода старовѣровъ приглашать къ злодѣю на вспоможеніе, однако жъ, онъ, злодѣй, о томъ извѣстія не имѣлъ. Показаніе Макаева отрицаетъ, и самаго Макаева, подъ симъ званіемъ, не знаетъ, говоря, что можетъ быть знаетъ его въ лицо.

9.

Огородникова купца не знаетъ. Огородниковъ подтверждаетъ показаніе Аристова, но отъ кого злодѣю денегъ приносили, не знаетъ, заклинаясь, когда сказано было ему мѣсто, гдѣ Огородникова видѣлъ, что припомнитъ онъ только то, какъ незнакомый ему человѣкъ столъ вмѣстѣ съ Фларегомъ въ его палаткѣ, но злодѣй никогда и никакихъ повелѣній ему не дѣлывалъ.

10.

Объяснено.

11.

Заклинается живымъ Богомъ, что ни отъ кого подъ Казанью денегъ не только до трехъ (?), но и малаго числа не получалъ, а привозили ему деньги казаки, грабя по домамъ.

12.

Показаніе Чики, яко бы называлъ онъ Ульянова плѣнникомъ, клятвою отрицаетъ, утверждая, что никогда онъ, злодѣй, до сего времени въ Яикъ не бывалъ, въ чемъ ссылается на станичныя и войсковое правительство.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНІЕ.

I

О Донскихъ казакахъ, бывшихъ у него чрезъ одну ночь подъ Царицынымъ, объявляетъ, что оные казаки никакого подговору отъ него не имѣли, а во время нападенія отъ него на Царицынъ оные казаки были отъ крѣпости отрѣзаны, и видя, что имъ противиться не можно, сдались ему, злодѣю, но переночевавъ, въ разные часы разъѣхались: оставалось только до 200 человѣкъ, и тѣ во время сраженія перебѣжали всѣ въ соединеніе съ вѣрными войсками. А посыланы были отъ него разные ложные Указы на Донъ, когда онъ былъ подъ Саратовымъ, чрезъ двухъ Волжскихъ казаковъ: именъ ихъ не упомнитъ. Въ Петровской перешлись къ нему 60 человѣкъ Донскихъ казаковъ, да подъ Саратовымъ до 70 Волжскихъ казаковъ. Въ Саратовѣ всѣ казаки безъ сопротивленія предались, да и войска нѣкоторыя не противились. Въ числѣ командировъ въ Саратовъ взятъ былъ Маіоръ Симоновъ, коего солдаты одобрили, и по этому злодѣй послалъ Перфильева спросить у показаннаго Маіора, будетъ ли онъ злодѣю, называя Государемъ, служить вѣрно? Симоновъ учинилъ ему присягу, и поручена ему была команда до самаго разбитія злодѣйской толпы. А Капитанъ артиллеріи Князь Бартаевъ также присягалъ, но куда онъ дѣвался, не знаетъ; а слышалъ, что онъ бѣжалъ, а прочіе сказываютъ, что онъ заколотъ. Потомъ, когда онъ подходилъ къ Камышенкѣ, всѣ Волжскіе казаки его встрѣтили: но когда онъ сталъ съ собою, отрѣклись они, сказывая, что не изрѣзаны, обѣщавши послѣ съ нимъ соединиться; но видятъ теперь, что его обманули, ибо послѣ къ его толпѣ не приходили. Будучи въ Дубовкѣ, встрѣтилъ его большой братъ войсковаго Атамана Порицкаго; злодѣй спрашивалъ его, гдѣ другіе Порицкаго братья? Порицкой ему отвѣчалъ, что они умли. Злодѣй спрашивалъ, какъ же ты остался? Порицкой говорилъ, что онъ хочетъ умереть за Отечество и мѣста своего не оставитъ. Въ какомъ разсужденіи сказалъ сіе слово, для того ли, что ревновалъ службѣ, и столькоже Государынѣ и Самодержицѣ, или мнѣнія угодить тѣмъ ему, не извѣстенъ; ибо злодѣй не объяснился и оставилъ его, какъ человѣка престарѣлаго. Прочіе Дубовскіе казаки всѣ безъ изъятія присоединились къ бунтовщичьей толпѣ.

2.

Будучи еще въ Бердѣ, посылалъ онъ, злодѣй, письма, называя себя Государемъ, во первыхъ, къ Калмыкамъ, кои откочевали въ Китай; но

посланные отъ него пропали. Потомъ посылалъ онъ Указы къ Нурали Хану Киргизскаго народа и Вдурали Султану. Послѣдняго сынъ былъ присланъ въ толпу бунтовщичью съ обнадеживаніемъ помощи, и находился у злодѣя до разбитія его. Пугачовъ подарилъ сына Султанскаго 50 руб. и восьми человѣкамъ его свиты, по 12 руб. каждому, и двумъ лучшимъ по кафтану, но куда дѣлся онъ, послѣ разбитія злодѣя, не извѣстно. Въ тѣ времена посылалъ онъ главнаго пособника своего къ форпостному Атаману въ Гурьевъ съ Указомъ, и Овчинниковъ объявилъ, что ложный его Указъ сказанный Атаманъ переслать обѣщался, но извѣстія уже никакого не имѣлъ. Отъ Калмыкъ Дубовскихъ посылалъ онъ письма, подходя къ Дубовкѣ. Старшій Князь оныхъ Калмыкъ прислалъ къ самозванцу одного старшину, и при немъ четырехъ Калмыкъ съ объявленіемъ, что онъ самъ Князь и три тысячи человѣкъ его войска покоряются злодѣю, яко Государю. Злодѣй послалъ къ нему казака Пустобаева съ тѣмъ, что онъ его пріемлетъ и будетъ его дарить. Вскорѣ послѣ того прибыли Калмыки, и съ тою ипою бунтовщиковъ соединились. Князь, Старшины и проч., пришедши къ злодѣю, становились на колѣни передъ нимъ и цѣловали руку, обнадеживая его въ вѣрности. А самозванецъ, лаская ихъ, благодарилъ и далъ 50 руб. старшему Князю, двумъ его сыновьямъ по 30 руб., а прочимъ Князьямъ, коихъ было около 50 человѣкъ, дарилъ сукна на кафтаны; всему же ихъ войску высылалъ бочку мѣдныхъ денегъ. Калмыки шли съ тою ипою до самаго Царицына, а когда изъ подъ Царицына злодѣй пошелъ, то просились они айтить въ улусы свои, и получа позволеніе пошли, но уже не возвращались. Болѣе сего ни съ какой державою никакой переписки не имѣлъ, и помощи ему обѣщаемо не было, да и не вѣдаетъ онъ, какъ можно было съ ними имѣть переписку. Напослѣдокъ показалъ онъ, злодѣй, Пугачовъ, когда, по разбитіи его шайки между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ, принужденъ онъ былъ уловками своихъ ближнихъ сообщниковъ переплыть Волгу, то говорилъ ему и прочимъ Яицкимъ казакамъ, Яицкой же казакъ, Трофимъ Горловъ, чтобъ идти въ Сибирь, на что злодѣй и согласился, но прочіе не восхотѣли. Потомъ совѣтовали идти на Каспійское море, но и на то не склонились. А какъ по причинѣ неимѣнія при себѣ пищи, и что большая часть изъ нихъ перешли помянутую рѣку въ одинихъ только кафтанахъ, а другіе въ рубашкахъ, тогда стали искать своего спасенія прямо степью, по при разныхъ, выше объявленныхъ, его, Пугачова, предложеніяхъ своей шайки, наконецъ уговорились они сими словами: «Чѣмъ намъ умереть на степи съ голоду, и жажды, и стужи, то лучше поворотиться къ Волгѣ; а тамъ хотя бы и попались мы въ полонъ, то лучше жъ намъ всѣмъ бросить свои беззаконія и грѣхи, заслужить казнію, нежели погибнуть безъ покаянія на степи, какъ дикимъ звѣрямъ.» Впрочемъ приносилъ повинную въ дерзновенномъ намѣреніи своемъ принять званіе Государя Петра III, объявляя, что не иначе принялъ сіе высокое званіе.

какъ, подъ симъ названіемъ возмути Яицкихъ казаковъ, съ ними и съ раскольниками итти Некрасовскимъ путемъ; но, будучи заведенъ успѣхами и обстоятельствами, простиралъ далѣе свое злодѣйство; объявляетъ при томъ, что угрызеніе сердечное его не покидало, что имѣлъ онъ намѣреніе пасть съ чистымъ раскаяніемъ предъ милосердной Государынею и Самодержицей, звалъ для того Яицкихъ казаковъ въ Москву, и говорилъ: «Если въ Москвѣ его не приметъ Государыня, такъ онъ самъ въ руки отдаться пожелаетъ.» Наконецъ признается и въ томъ откровенно, что всѣ оныя дерзновенныя слова, о коихъ разные допросы явствуютъ, произносимыя имъ предъ народомъ о Ея Величествѣ, справедливо на него показаны, и что онъ предаетъ на мученіе Богу душу свою и тѣло всѣмъ казнямъ, предписаннымъ закономъ, по возможности его преступленія.

ПРИМѢЧАНІЕ НА ВТОРОЙ, ЗЛОДѢЮ УЧИНЕННЫЙ, ДОПРОСЪ.

Принялъ въ Добрянкѣ высокое званіе, по совѣту Добрянскаго купца, Кожевникова, у коего работалъ по наймѣ, гдѣ солдату схожимъ показался на бывшаго Государя Петра III. Кожевниковъ, услыша сіе, присовѣтывалъ, чтобъ начать лучшее ремесло, давъ ему денегъ; при семъ совѣтѣ былъ купецъ Крыловъ, Добрянской же; а солдатъ былъ ему спутникомъ, и они пошли на Яикъ подговаривать войско. Солдатъ обыщалъ называться гвардіонцемъ, а сего не исполня, нанялся въ рекруты.

Сіе требуетъ объясненія.

2. Пришедъ въ Донскія станицы къ Кузнецову, яко бы нечаянно такъ случилось, что прямо и неумышленно къ нему пришли, не зная, гдѣ подлинно Кузнецовъ жилъ.

Сіе нестаточное дѣло.

3. Филаретъ велѣлъ, по пріѣздѣ въ Яицкой Городокъ, пристать къ казаку Пьянову, и велѣлъ сказаться, что Государь; а по допросамъ Пьянова не то, и тогда Пугачовъ не говорилъ. Что деньги 370 рублевъ дины отъ Коровки, сомнительно; 42 же Луганской станицы отъ казака Долгова, а послѣдніе, какъ выше сказано, отъ Кузнецова. Помогать хотѣлъ злодѣю Донской казакъ Вершиловъ. Сей почитается почтенный казакъ между раскольниками.

Извощикъ, который везъ злодѣя въ Симбирскъ, былъ Поповъ, а письмо писалъ къ Филарету.

По бытности у Филарета оставилъ злодѣй у него деньги.

Сіе достойно подтвержденія.

Долгополовъ яко бы отъ себя выдумалъ, чтобъ злодѣю въ его дѣлахъ поспѣшествовать.

Несбыточно и сіе.

Долгополовъ первый подъ Троицкой крѣпостью присовѣтывалъ итти къ Казани и въ Москву.

---

* Въ рук. Лазунской.

Указы злодѣйскіе подписывалъ по Нѣмецки Швановичъ.

Пару лошадей..... Кандалищовъ 6..... сказалъ яко..... второмъ..... разпорѣчіе..... огородники.....

Показаніе Аристова на..... архіерея но, и то отъ него..... злодѣю деньги приносили не..... знаетъ, а припомнитъ только то, какъ незнакомый человѣкъ стоялъ у него съ Филаретомъ въ палаткѣ.

У Троицы въ Сыромя..... доръ Синякова. * .....

---

* Рукопись, съ которой списаны эти «Допросы Пугачеву,» очень попорчена на конецъ, отъ чего означенное здѣсь точками нельзя было разобрать въ ней.

ПИСЬМО

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ,

Главноначальствующему надъ войсками противу самозванца Пугачова, въ отвѣтъ на донешенія его послѣ поимки послѣдняго. *

Графъ Петръ Ивановичъ!

Письмы ваши отъ № 20 до 27-го исправно мною во свое время получены, и видя изъ оныхъ, что, по поимкѣ злодѣя, дѣла, вамъ порученныя, обращаются къ лутчему, и что вездѣ безпокойства пресѣкаются, упражнялась дѣлами, не менѣе важными и вниманія требующими, какъто выполненіе мирныхъ артикуловъ, касающихся до Крыма, коп съ начала хлопотной и замѣшательной видъ имѣли, по теперь перемѣнимись къ лутчему, и вѣроятіе есть, что все полюбовно кончится, ибо гдѣ

---

* Письмо это служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ «Допросамъ Пугачеву,» тѣмъ болѣе, что оно писано тотчасъ послѣ представленія нѣкоторыхъ изъ нихъ Секретной Коммиссіей, когда возмутитель былъ уже привезенъ въ Москву. Черневой подлинникъ сего письма, писаннаго отъ начала до конца рукой Государыни, сохранился въ любопытныхъ и весьма важныхъ бумагахъ извѣстнаго Статсъ-Секретаря Императрицы, Александра Васильевича *Храповицкаго*, принадлежащихъ теперь племяннику его, Н. В. *Сушкову*.

ни денегъ, ни военныхъ людей достать не можно, тутъ и драки завѣрно не будетъ, а положеніе Турецкой Имперіи нынѣ таково, что и на заниманіе Цесарцами Молдавіи они по сю пору не шумя смотрятъ. Къ отвѣтствованію же на письмы ваши нынѣ обращаюсь. № 20 извѣщаетъ мнѣ распросные пункты, здѣланные злодѣю вами обще съ Г.-М. Потемкинымъ; но сколь оные ни подробны и ни дополняютъ первой допросъ, ему учиненной въ Яицкомъ Городкѣ Капитаномъ-Порутчикомъ Мавринымъ, все еще начало вздумки сей остается закрыто, развѣ объяснится по привозѣ изъ Добрянки тѣхъ раскольниковъ, по которыхъ посланы отъ васъ Гвардіи Офицеры, а съ Иргиза старцовъ, которыхъ Генералъ-Маіоръ Потемкинъ взялся сыскать. Приказъ вашъ, данной Капитану Галахову о содержаніи самозванца, весьма нахожу достаточнымъ. Сей Капитанъ урода сего благополучно привезъ 4 сего мѣсяца къ Москвѣ, и письмо ваше, сему Капитану порученное для меня, до рукъ моихъ доставлено чрезъ Маіора Рушича, отъ Князя Волконскаго отправленнаго по привозѣ къ Москвѣ самозванца. Ваши рекомендаціи о Капитанѣ Галаховѣ, о Маіорѣ Рушичѣ, Капитанѣ Повало-Швейковскомъ, Порутчикахъ: Москотильевѣ, Ершевѣ и Голенищевѣ, конечно, мною уважены будутъ. Рушича велю опредѣлить въ Армію, а прочіе награжденіемъ недвижимыхъ сравнены быть имѣютъ, такъ какъ и полку Великолуцкаго Полковникъ Бибиковъ противъ Офицеровъ корпуса Полковника Михельсона. Принятіе въ экстра-ординарную сумму оставшихъ двадцати пяти тысячь рублей, кои Галахову, здѣсь и въ Москвѣ, при отправленіи его, выданы были, апробую. Изъ 4-го приложенія сей 20-й реляціи усмотрѣла я ордеръ вашъ, посланной пяти Губернаторамъ: Казанскому, Воронежскому, Сибирскому, Оренбургскому и Нижегородскому, о различеніи мѣстъ, въ бунтѣ причаствующихъ, съ тѣми, кои въ вѣрности пребыли, и о точномъ съ первыми, при случаѣ преступленій, исполненіи законовъ, какъ о семъ, по вашему представленію, отъ меня и въ Сенатъ Указъ записанъ; но со всѣмъ тѣмъ не могу удержаться вамъ дать примѣтить, что чувствительность сердца моего заставляетъ меня здѣлать, дабы нигдѣ суровая казнь мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употребляемы не были, напріилѣжнѣйше препоручаю недремлющему вашему, за подчиненными вамъ мѣстами и самими Губернаторами, бдѣнію. Я молю Бога, чтобъ предложеніе ваше судебнымъ мѣстамъ и прочимъ, употребленнымъ людямъ, о взяткахъ и пристрастномъ правосудіи, въ нихъ произвело дѣйствіе полезное и поправительное, но думаю, что, для удержанія поползновенія на нѣкоторое время, можно будетъ здѣлать, гдѣ ни на есть, примѣръ наказаніемъ виновнаго. Печатной экземпляръ, отъ васъ присланной, для объявленія народу о поимкѣ самозванца, я въ слогѣ и въ существѣ нашла симъ обстоятельствамъ приличенъ, дабы ослѣпленной черни умъ и глаза обратить на путь покорности и послушанія. Два письма, Генерала-Порутчика Суворова и Полковника Михельсона,

при письмѣ вашемъ особливо приложенные, я приняла съ удовольствіемъ. Отпускъ перваго къ Москвѣ на короткое время къ магниту, его притягающему, я почитаю малою отрадою послѣ толикихъ его трудовъ. На челобитную родственника вашего, Татищева, объявляю вамъ рѣшеніе мое таковое, что, въ разсужденіи претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности непоколебимаго старика Кудрявцова, я приказала Военной Коллегіи его, Татищева, принять въ службу Порутчикомъ. Втораго самозванца казнь я заблаговразсудила уменьшить, о чемъ Указъ мой отселѣ прямо въ Воронежъ и отправленъ, но не знаю еще, ко времени ли дошелъ. Письмы ваши къ Нурали-Хану и къ Башкирцамъ доказываютъ мнѣ усердіе, труды и попеченіе ваше о употребленіи всѣхъ тѣхъ способовъ, кои служить могутъ къ пользѣ дѣлъ, вамъ ввѣренныхъ, и что вы уже начали обращать вниманіе ваше на сіи народы сходственно съ моими мыслями, къ вамъ сообщенными въ разныхъ моихъ письмахъ. Касательно до дѣла Порутчика Державина и Саратовскаго Коменданта нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланной Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что, конечно, образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго Коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія. Изъ рапорта Князя Голицына, которой вы ко мнѣ прислали, усмотрѣла я, что успѣхи войскъ принудили нѣкоторую часть Башкирцовъ обратиться къ должному повиновенію, и надѣюсь, что съ того времени по нынѣ число сихъ послѣднихъ весьма умножилось. Изъ вашего предложенія Оренбургскому Губернатора вижу я, что вы упражняетеся собираніемъ разныхъ извѣстій для узнанія положенія, какъ сего народа, такъ и Киргизскаго, и я не сомнѣваюсь, что, по совершенномъ узнаніи всѣхъ, до сихъ послѣднихъ касающихся, обстоятельствъ и хищныхъ ихъ безперерывныхъ обращеній, и вникая въ нынѣшнее состояніе и расположеніе границы, вы тогда сами усмотрите, что теченіе рѣки Эмбы скорѣе сокращаетъ бдѣніе и стражу границы, нежели ее распространитъ, не говоря о выгодахъ для жизни и содержанія людей, которая обѣщаетъ, конечно, изобильнѣе не въ примѣръ теперешней Оренбургской линіи. Я буду ожидать, по совершенномъ узнаніи вашемъ всѣхъ обстоятельствъ, тѣмъ потерпѣливѣе вашего мнѣнія, что бы я весьма желала знать, колькое число войскъ вамъ нужно и надобно для усмиренія Киргизцовъ и Башкирцовъ, ибо весьма желательно, чтобъ, по теперешнему въ хлѣбѣ недостатку, буде излишнія есть, вы бъ отдѣливъ, сколько къ симъ двумъ объектамъ, и для содержанія въ почтеніи черни, вамъ нужды будетъ, прочія возвратили въ опредѣленныя для ихъ пребыванія мѣста. Изъ № 24 усматриваю я, что вы приступили къ исполненію моихъ повелѣній объ отправленіи къ Москвѣ главныхъ сообщниковъ зло-

дѣйскихъ, такъ и собраніемъ, откуда надлежитъ, навѣсти о причиненныхъ убивствахъ и разореніи отъ бунтующихъ шаекъ; по великому пространству мѣстъ опутительно, что все сіе къ окончанію дѣла Пугачова нужное, не можетъ собрано быть, и рышительное положеніе до будущаго года не воспослѣдуетъ, и, слѣдовательно, дѣло злодѣйское уже не доведется до конца до моего пріѣзда къ Москвѣ, куда и вамъ, по желанію вашему, изображенному въ письмѣ вашемъ отъ 30 Октября, дозволяю пріѣхать тогда, когда вы усмотрите, что симъ переѣздомъ вашимъ дѣла тамошняго края разстройки не подвергнутся; мой же пріѣздъ зависитъ отъ готовности того деревяннаго строенія, которымъ соединятся дома Князей Гонцына и Долгорукова, гдѣ жить буду. Хотя, по присланной отъ васъ вѣдомости, и усматриваю, что по рѣкѣ Ирюзу нынѣ малая часть поселенцовъ осталась, но не менѣе подлежитъ сіе мѣсто бдѣнію, ибо оно уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище, и для того почитаю за нужно въ тамошнемъ мѣстѣ завесть, гдѣ удобно, подъ видомъ населенія, какою ни есть рода начальство, дабы сіе гнѣздо держать въ уздѣ. Видя изъ вашихъ донесеній усердные подвиги и труды вѣрныхъ моихъ войскъ, кои, подъ начальствомъ вашимъ, въ думченномъ теченіи, пятьдесятъ два раза сражались, и тѣмъ самимъ многоглавную гидру бунтующую низложили къ своей славѣ, а Имперіи въ пользу, прилагаю при семъ особливой рескриптъ, предоставляя себѣ, при свиданіи нашемъ на Москвѣ, объявить вамъ персонально мое признаніе и чувствительность о трудахъ вашихъ приобрѣтенныхъ прикладахъ, о коихъ много сожалѣю. Касательно до двухъ докладовъ Казанскаго Губернатора, которые приложили вы къ реэстрѣ № 25, во первыхъ, съ удовольствіемъ вижу, что сей новой Губернаторъ, при самомъ началѣ отправленія его должности, уже соотвѣтствуетъ моей къ нему довѣренности, и открылъ попечительность свою сими докладами. Резолюцію мою на первой о строеніи выжженнаго злодѣями города Казани объявляю ему подписью руки моей на семъ докладѣ, къ которому прилагаю планъ для Губернаторскаго дома примѣрной, каковый домъ уже подлягъ въ Новгородѣ, а поставить его въ Казанѣ по усмотрѣнію Губернатора, или въ крѣпости, или гдѣ мѣсто онъ самъ найдетъ, къ сему строенію принадлежное въ городѣ. Архитектору жъ изъ Сената велю въ Казань отправиться. Разсмотривая второй его докладъ о двухъ матеріяхъ, для поспѣшествованія отправленія дѣлъ и народнаго управленія, коихъ-то, во первыхъ, расписанія Губерискои Канцеляріи на три Департамента, нахожу я, что, для приступленія къ тѣмовой перемѣнѣ, встрѣчается, по теперешнимъ штатамъ, слѣдующее обстоятельство: въ присутствіе нынѣшней Губерискои Канцеляріи опредѣлены три члена, то есть, Губернаторъ и два его товарища. Расписавъ Канцелярію на три Департамента, въ присутствіе въ каждой по одному члену почитаю я за

недостаточно, ибо, не упоминая о способностяхъ и страстяхъ людскихъ, болѣзненнымъ припадкамъ подверженъ всякъ смертный, и того для, какъ дѣло сіе въ существѣ полезно, дабы недоразумѣнія, или неудобности, не было, надлежитъ Казанскому Губернатору о семъ его проектѣ приказать прислать подробное расписаніе. Вторая же часть доклада, содержащая въ себѣ расписаніе Уѣздовъ по обѣимъ сторонамъ Волги, по удобности къ городамъ, и раздѣленіе Уѣздовъ, и о учрежденіи новыхъ Канцелярій и Земскихъ Коммисаровъ, нахожу весьма удобнымъ и сіе въ разсмотрѣніе и для точнаго положенія ввѣрить удобнѣе всего Губернатору самому, о чемъ, въ согласіе съ его докладомъ, ожидать буду равномѣрно и новое его расписаніе, дабы утвердить Указомъ въ Сенатъ новыя сіи какъ расписанія, такъ и учрежденія. Изъ реляціи подъ № 26 усмотрѣла я попеченіе ваше о прокормленіи ввѣренныхъ вамъ мѣстъ, а изъ приложенія протоколовъ, вами и обоими, при васъ находящимися, Губернаторами подписанныхъ, по усмотрѣнномъ и извѣстномъ вамъ лучше на мѣстѣ обстоятельствъ положеніи, въ коихъ здѣсь ничего перемѣнить не нашлось, предвидится, правда, что труднѣе всего будетъ удержать безъ нарушенія предписанныя цѣны, ибо и въ здѣшнемъ городѣ полицейскія таксы почти что мнимыя суть, потому что розничную продажу нѣтъ возможности всякую минуту свидѣтельствовать; но какъ бы то ни было, народное ваше объявленіе здѣсь напечатано, и къ вамъ съ симъ куріеромъ экземпляры отправляются. И какъ изъ первыхъ вашихъ упражненій нынѣ есть народное прокормленіе, и дабы оное прокормленіе доставить найвящей голодъ терпящимъ, пришло мнѣ на умъ вамъ сообщить слѣдующую идею, сходственную, впрочемъ, съ вашимъ мнѣніемъ, о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали, и служили бы имъ защитою отъ воровскаго иногда сброда. Идея сія есть слѣдующая: чтобъ начинать около тѣхъ Уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ найвящей есть, рыть ровъ, и платить за сіе не токмо деньгами, но и хлѣбомъ. Тутъ всякой полъ и возрастъ сыщетъ прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало, или, много, нося землю, не празденъ будетъ, и изъ Уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ. Таковыя работы начать можно въ разныхъ мѣстахъ, чемъ народъ удержите въ мѣстѣ его пребыванія и, упражняя его, уймете и воровства и разбои. Сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ разсмотрѣть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго изъѣденія вашихъ запасовъ. Реестръ, отъ васъ повышеніе получившихъ Офицеровъ корпуса Полковника Михельсона, я видѣла при реляціи вашей; нерегулярныхъ чиновъ приказала Военной Коллегіи сравнить съ тѣми, кои въ первой арміи служили; Есаулу Тарарину данъ Порутчичей чинъ, по вашему желанію Подполковнику Муфелю пожаловала деревни въ Бѣлой Россіи.

Башкирскимъ старшинамъ, тѣмъ, кои непоколебимо вѣрными остались, посылаю, сверхъ даннаго имъ отъ васъ награжденія, по саблѣ, золотомъ оправленной, и грамоту похвальную. По желанію вашему, изображенному въ реляціи вашей подъ № 27, попеченіе о снабдѣніи колонистовъ я съ васъ снимаю, и уже къ Губернаторамъ, Воронежскому, Слободскому и Бѣлогородскому, послала Указы, дабы они колоніи на первой случай снабдили означеннымъ числомъ, въ тѣхъ Указахъ изображеннаго, хлѣба, о чемъ и Канцелярія опекунства иностранныхъ уже извѣстна. Впрочемъ, желая сердечно поправленія разстроеннаго вашего здоровья, пребываю къ вамъ доброжелательна.

При отправленіи сего получила я ваши реляціи подъ № 28, 29 и 30 съ приложеніями, на кои впредь вамъ отвѣтствовать буду.

20-го Ноября, 1774 г.

Спб.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

ВЪ СЕНАТѢ

ПО ДѢЛУ ИРКУЦКАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ КРЫЛОВА.

«Сегодня я пріѣхала (сказала Императрица въ Сенатѣ), чтобъ [1] съ Вами говорить о такомъ дѣлѣ, которое четыре года на сердцѣ моемъ лежало. [2] Я оное окончать способа не находила, не нарушая справедливости, то есть, дѣло Иркуцкаго Слѣдователя, Крылова. Я нынѣ къ вамъ назадъ привезла Сенатской докладъ 1762 года, въ которомъ нахожу одну только ясно выведенную вину Крылова, по которой онъ именнымъ Указомъ блаженныя памяти тетки Нашей, Императрицы Елисаветы Петровны, лишенъ всѣхъ чиновъ, и скованъ привезенъ сюда, сирѣчь, [3] арестованіе Иркуцкаго Вице-Губернатора Вулфа. На все прочее, въ Сенатскомъ докладѣ мнѣ представленное, я смотрю, какъ на неоконченное; слѣдственно оныя решить не могу. [4] Моя воля есть, чтобъ Сенатъ кратчайшимъ и законнымъ образомъ окончалъ то, что по правосудію принадлежитъ. [5] Крылову же Сенатъ имѣетъ, примѣняясь къ Нашему милосердію, и взирая на семилѣтнее нынѣшнее его состояніе, опредѣлить правосудный жребій, не докладывая уже болѣе намъ. Осталось только упомянуть о Генералѣ-Прокурорѣ Глѣбовѣ, которой въ семъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, оказался подозрительнымъ, и тѣмъ самимъ уже лишилъ себя довѣренности, соединенной съ его должностію; но какъ Генералъ-Прокуроръ ни кѣмъ, кромѣ Насъ, не судимъ, то предоставляемъ себѣ должностію его впредь диспонировать, а ему отнынѣ симъ чиномъ не писатся. При [6] семъ за благо нахожу здѣлать вамъ примечанье, сколь «страшнія слѣдствія имѣютъ тѣ дѣла, кои страстію производятся, и до какихъ дер«зости доводятъ, когда, вмѣсто законовъ, руководствуютъ, чего нигдѣ такъ не видно, «какъ изъ всего сего дѣла.» [7]

---

[1] Послѣ сего написано, но зачеркнуто: «чистосердечно.»

[2] Далѣе было написано, но зачеркнуто: «и совѣстію мучилась часто, что Я оное.»

[3] «Сирѣчь» приписано самой Государыней сверху слова «то есть,» которое зачеркнуто.

[4] Напечатанное въ разрѣдку приписано самой Государыней сверху.

[5] Сверху приписано самой Государыней: «принадлежитъ,» вмѣсто: «правосудія требуетъ, и въ чемъ притѣсненіе есть,» что все зачеркнуто.

[6] Все дальнѣйшее отсюда до конца писано рукой самой Государыни.

[7] Изъ бумагъ Статсъ-Секретаря Государыни, Александра Васильевича Храповицкаго, находящихся теперь у роднаго племянника его, Н. В. Сушкова.

2007059431